

Бэзил

*Скиталец,
Начало пути*

Роман-фэнтези

Бэзил Бэзил
Скиталец. Начало пути

«Издательские решения»

Бэзил Б.

Скиталец. Начало пути / Б. Бэзил — «Издательские решения»,

Старшеклассник Данька, трус и слабак, каждую ночь переносится в мир пиратов. Он живет в двух мирах по воле Древних Богов. Он становится воином и матросом на корабле пиратов. Приключения в двух мирах. Бои, сокровища, верная дружба. Он находит родного отца. Его зачисляют в школу спецподразделения. Мать переживает за сына, но он верен клятве пирата. Он знакомится с жизнью парусного судна. Узнает много нового. Но это начало пути. Древние предназначили ему долгий путь борьбы и исканий.

© Бэзил Б.

© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Часть 2	19
Часть 3	30
Часть 4	47
Часть 5	56
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Скиталец. Начало пути

Роман-фэнтези

Бэзил

Я не смогу написать, как они, потому что они не пишут как я.

© Бэзил, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Все-Ничто всколыхнулось. Оно двигалось. Было ли это движением? И да, и нет. Оно не знало ни движения, ни покоя. Человек не способен описать подобное. Это лежит за гранью разума. Оно, не знающее пределов и времени, совершало очередной акт творения. Так появились Древние. Они стояли, опираясь ногами на Бездну, простирая руки к бесконечности. Нет меры бездне и бесконечности. Бесконечность есмь бездна, а бездна есмь бесконечность. Близнецы не похожие друг на друга. С раскрытых ладоней Древних слетали драконы, прекрасные птицы Вселенных. Самый старый и мудрый народ. Перворожденные от Древних. Драконы летели к звездам, перелетали из одного мира в другой, разнося весть о явлении Древних. Вселенные – коврики под ногами тех, кто опирался ногами на Бездну, лужайки, где пасутся драконы. Вселенных было множество. Древние следили за ними. Но вот старший из древних обнаружил, что две вселенные опасно расходятся, нарушая равновесие миров. Нужно забросить якорь из одной из них в другую, подтянуть их друг к другу, а затем сшить нитью перемещений края. Простая работа для Древнего. Нужно только взять в руки иглу.

Данька спал. Его сон, словно страж, охраняла настольная лампа. В круге ее света стояла кровать, на которой лежал парень. Он лежал под одеялом, надежно охраняемый светом. Тьма, одесную тебя, к тебе же не приблизится, обачи очима твоим возопивши. Воздаяние грешников узришь, яко Господиви упование Вышнего положил, Зло и рана не приблизятся телесе твоему, не приткнешь о камень ногу свою и попрешь Льва и Змия... Тьма бродила по комнате. Она ходила из угла в угол. Не могла проникнуть за грань светового круга. Она липкой паутиной нависала в углах под потолком. Срывалась с потолка и вновь бродила по комнате. Временами забиралась под кровать, где корчила омерзительные рожи. Тянула оттуда руки, словно стараясь кого-то ухватить. Вновь начинала нервно ходить из угла в угол. Она была в ярости. Этот круг света не позволял ей добраться до парня. А как бы она хотела добраться до него. Вцепиться руками в горло, увидеть капли холодного пота на лбу, ужас в глазах и услышать учащенное биение сердца в груди. Но свет, свет не подпускал ее. Она подошла к письменному столу, присела на стул. Ждать. Она умела ждать. Ее час придет. Авария на трансформаторной подстанции или электрическая лампа перегорит. И тогда... Она умеет ждать. Она дождется. Ждала терпеливо. Но вот рассвет робко заглянул в окно. Тьме пришлось встать и пойти к двери. Рассвет уже стоял ногами на подоконнике. Тьме нехотя вышла из комнаты и закрыла за собой дверь. А рассвет прыгнул с подоконника и простер свои руки, озаряя все вокруг. Власть тьмы закончилась.

Эта квартира помнила своего хозяина, хотя прошло много лет. Этот большой обеденный стол помнил, как за ним собирались веселые гости во главе с хозяином и его женой. Звенела посуда, вынутая из того большого шкафа. Еще слышится веселый смех. И диван помнит, как хозяин садился на него, пружины с легким скрипом принимали тяжесть тела. Он закидывал ногу на ногу, сидел, сцепив ладони рук на затылке, сидел и улыбался. Кресло помнит своего хозяина. Как он садится напротив телевизора, гладит подлокотники руками. А этот пузатый ящик, уютно устроившийся на тумбочке, смотрит на хозяина своим единственным глазом и что-то бормочет чужими губами, губами диктора. В той комнате кровать хозяина. Она тоже многое помнит.

Рабочий стол. Он помнит, как хозяин кладет перед собой листы чистой бумаги. Берет ручку и четким уверенным почерком начинает писать. Откладывает ручку, открывает одну из книг, лежащих на столе, открывает ее, читает. Откладывает в сторону. Немного задумался и вновь начинает писать. В воздухе, кажется, все еще висит аромат его лосьона после бритья. Вот, словно слышны его шаги. Он проходит по комнате, останавливается на пороге кухни. Оперся рукой на косяк дверного проема, стоит, с улыбкой смотрит на свою красавицу жену.

Что это? Может просто колыхание воздуха. Или его тоска бродит по квартире. Может, его душа не находит в себе сил покинуть это место.

Мария Петровна стоит у кухонного окна. Смотрит на пустынный в этот час двор, где тишина танцует медленный танец. Она в мягких туфлях. Кружится, напевая вполголоса под шелест листвы мелодию покоя.

Мария Петровна оборачивается, на звук знакомых шагов, туда, к двери. Но ничего, пусто. Прошло столько лет, но она помнит тот летний вечер. Она закрутилась на работе и забыла купить хлеб к ужину. И Сашка, Саша, ее муж Александр пошел в магазин купить булку хлеба к ужину. Ушел и не вернулся. Она ждала его. Долго ждала. Искала. Искала полиция. Но он исчез, словно его никогда не было. Сколько раз потом она доставала альбом с фотографиями, перебирала их, рассматривала, надеялась, что это вернет его. Плакала. Но однажды не выдержала этой пытки, собрала все фотографии вместе, сложила в черный плотный пакет и убрала на антресоли.

Спрятала подальше, под коробку с одеждой мужа, что бы случайно не наткнуться на них. Мария Петровна снова повернулась к окну, оперлась руками на подоконник, на котором стояли горшки с цветами. Один цветок уже набрал бутоны, скоро цветение. Она ждала, когда на плите закипит чайник, и она разбудит сына.

Шипенье чайника на плите. Скоро забурлит вода, задребезжит крышка. Можно ставить на стол чашки, еще дремлющие в шкафу. Этот кухонный гарнитур они купили на те деньги, что им подарили на свадьбу. Как давно это было. Они сидели здесь вдвоем с Сашей. Потом появился Даня, их сын. Все было вчера, и так давно. Сашка часто засиживался за рабочим столом в их комнате. И те минуты, что они проводили на кухне, она вспоминала с тоской. Они строили планы на будущее. Так бывает в каждой семье. Но пришла неизвестность, разрушила жизнь. Мария встряхнула головой, не стоит возвращаться в прошлое. У нее есть сын, ее будущее. Вода в чайнике забурлила. Можно заварить чай. Проснется ее Даня.

Данька проснулся. Вздрогнули пушистые, как у девчонки, ресницы, открывая большие темные глаза. Они с детским удивлением смотрят на мир. В таких глазах тонут, словно в омуте.

Темные шелковистые волосы на голове взъерошены. Тонкие прямые губы чуть улыбаются. В комнате уже светло. Ночная тьма рассеялась. Он дотянулся рукой до выключателя настольной лампы. Небольшая ладонь, тонкие пальцы музыканта. Погасил бесполезный сейчас свет. Бросил взгляд на плюшевого мишку, сидящего на тумбочке возле кровати. Игрушка застыла, глядя на молодого хозяина лукавыми глазками. Косолапый пристроился рядом с настольной лампой. Эту игрушку подарил Даньке отец. По крайней мере, так говорила ему мать. Сам Данька отца не помнит. Порой ему кажется, что он что-то припоминает. А может, ему это только приснилось. Он совсем маленький сидит на диване, рядом отец. Большой и сильный мужчина держит на коленях книжку, раскрыл ее и читает сыну сказку. Он, Даня, сидит рядом, держит в руках плюшевого медведя. Отец обнял Даньку за плечо. Даня сидит, подняв взгляд на этого большого мужчину, и пытается разглядеть лицо. Но ничего не получается. Лица он не помнит. И на фото ни разу не видел. Только сон, что растаял, и легкая грусть в сердце.

Жизнь у Дани отличная. Не хуже других. Пусть у кого-то и лучше. Вот у его друга, у Максима, есть и мать и отец. Или у парнишки из соседнего подъезда. Его родители в разводе. Он живет с матерью, а отец приходит к нему в выходные. Вот бы и у него был отец, хотя бы отец выходного дня. Данька отбросил эти мысли, сел на постель. Поставил ноги на потертый ковер. Потом отодвинул их от кровати, славно опасаясь, что там под ней все еще прячется тьма. И она может ухватить его за ногу и унести в свое жуткое царство. Даня встал, оделся и пошел в ванную умыться. Умылся и сразу же на кухню, где ждет мать. Он остановился на пороге. Оперся рукой на дверной косяк и произнес:

– Ма, я проснулся, – улыбается.

Мать обернулась, посмотрела на сына. Да, никаких фотографий не нужно. Вот он, ее сын, такой же, как отец. И та же улыбка и поза.

– Ой, Дань, какой же ты у меня худой, – сказала она. – Вытянулся. И брюки такие короткие.

Ничего. Сегодня зарплату должны дать. А в выходные поедем и купим тебе новые брюки.

Темная ароматная струйка заварки текла в чашки. Мария поставила чайник на стол. Села. Какой у нее славный мальчик растет. Данька выдвинул табуретку и сел напротив матери. Положил ложечку сахара в чай. Недовольно поморщился: не любил ходить по магазинам.

– Мама, зачем они мне? Ты лучше себе что-нибудь купи, – наряды и всякие тряпки – не самое главное для мужчины, полагал Данька.

– Мне-то зачем? У меня все есть. А тебе в школу. Разве можно в таких. Да, кстати, с первым днем каникул тебя.

– Спасибо. – Данька отпил глоток чая, посмотрел на часы с кукушкой висевшие на стене. Семь тридцать утра.

Планов на каникулы не было. Не плохо ничего не планировать, никуда не спешить. Затеяться на просторах времени. Посидеть на берегу его неторопливых вод.

Мать открыла холодильник, достала масло и банку шпротного паштета. Мазала на ломтики батона масло, паштет. Положила их на нарядное блюдо с узорными краями. Чай разлит в розовые чашки. У них специальный чайный сервиз. Мария Петровна любила красивую посуду. Только один столовый сервиз из шкафа в комнате никогда не выставлялся на стол. Мать бережно доставала его, мыла, тщательно протирала и возвращала на место. Данька не решался спросить ее, отчего она так поступает. Догадывался – память об отце. Она работала в музее научным сотрудником. Зарплата маленькая, но она как-то справлялась, растягивая деньги от зарплат до зарплат.

Мария посмотрела на часы с кукушкой, неугомонная птица скоро выскочит из своего убежища и возвестит: хозяйка, пора на работу. Грустно улыбнулась. Вспомнила, Саша принес их откуда-то. Старые и безжизненные. Упрямо ковырялся в механизме, пока они не пошли.

Торжественно повесил на стену. Под их ровное тиканье в то вечер они пили чай и ждали, когда кукушка в их доме прокричит первый раз. Его нет, а дверцы на часах открываются, и птица кричит в пустоту кухни. Так кричит сердце Марии, рвется из груди: Саша!

Они попили чая. Мать встала:

– Сынок, я на работу. Ты посуду помоешь? – Вопрос, который она задает каждое утро.

– Хорошо, мам. Конечно, помою. – С этим он справится быстро.

Мария Петрова подошла к трюму в коридоре, еще раз провела расческой по волосам. И вот за ней закрылась входная дверь. Данька встал, помыл чашки, обтер их кухонным полотенцем. Поставил в шкаф. Протер тряпкой стол. О, еще большой кухонный нож. Надо и его убрать. Он взял его, зажал рукоятку в правой руке. Расставил широко ноги. Одна нога чуть вперед, другая – сзади.

Отвел левую руку в сторону, как делают настоящие фехтовальщики. В его руке не нож, а шпага.

Пустынный переулочек старого города, где блуждает мистер Зло. Враг напал на Даньку неожиданно. Коварный и не знающий пощады. Звон стали. Перед ним Великое Зло, с которым он, скромный простой герой, борется. Удар, еще удар. Выпад. И тело злодея падает на пол. Он одолел зло, которое собиралось уничтожить этот мир. Даня протер лезвие ножа тряпкой, словно стирал с него капли черной крови своего поверженного врага. Черные капли крови. Извечного Зла. Потом убрал нож в шкаф. Бросил взгляд на табуретку. Он обещал другу, Максиму, что будет заниматься физкультурой. Вместо спортивного снаряда можно использовать табуретку.

Поднимать ее за ножку одной рукой несколько раз. Потом другой. Так он накачивает мышцы. Но сейчас ему этого совершенно не хотелось. Ну и что. У него тройка по физкультуре, но остальные-то оценки у него замечательные. Да, когда он прыгал через коня, то так и застрял на нем. Лез по канату, добрался до середины и рухнул на мат. Поставили ему тройку. Из жалости, конечно. Или что бы не портить показатели школы. Ну, и что. Ну, не получается у него. Каникулы еще только-только начались. Он успеет, позанимается. Данька задвинул табуретку под стол. Потом пошел в свою комнату. По дороге остановился у зеркала. Посмотрел. Оттуда, из зеркального стекла, на него смотрел худой высокий парнишка. Темные волосы, черные глаза. Симпатичный парнишка – решил Данька. Ну, в общем-то похож. Похож на скромного героя. Таким и должен быть скромный герой, который спасает мир. Спасение мира может подождать, он должен встретиться с Максимом. Дружба стоит целого мира. Париж стоит мессы.

Данька пошел в свою комнату, что бы позвонить другу, Максиму. Тот уезжал. Уезжал в отпуск с родителями, в Турцию. Максим отличный парень, хороший друг. Он такого же роста, как Данька, только шире в плечах. Спортивный. Кареглазый брюнет с теплой задорной улыбкой. Он редко хмурится, обычно доволен жизнью. Никогда не старается показать своего превосходства, хотя мог бы. И еще, у него отец – крутой бизнесмен, но Макс никому не тычет этим в морду. Даня часто бывает у друга дома. Родители у того простые обыкновенные люди. Он не чувствует себя рядом с Максимом обойденным жизнью.

Максим убрал постельное белье в тумбочку. Сложил диван. Подошел к аквариуму полюбоваться на своих рыбок. Рыбки у него самые обычные. Отец сказал: научись ухаживать за этими. С батей Макс у повезло – хороший, отличный батя. Сам создал свое дело, работает, не покладая рук. Постоянно говорит: как потопаешь, так и полопаешь. Они дружат. Понимают друг друга. Ничего особенного у них нет в квартире. И квартира обычная, в обыкновенном доме. Район средний, не элитный. Гараж под многоквартирным домом. Машина среднего класса. Ей уже четыре года. Мать, правда, пыталась намекнуть отцу, что нужна посOLIDнее и новая. Родители часто ссорятся по поводу и без всякого повода. Заканчивается все примирением. Им это в удовольствие. С машиной все получится иначе. Отец так посмотрел на мать, ушел, хлопнув дверью. К этой теме в доме не возвращались. Четыре комнаты на пятом этаже. Обставлены хорошо. Но мебель покупали в рядовых мебельных магазинах. Ничего исключительного. Никаких шкафчиков в стиле ампир или барокко. «Все это – выпендрей, – говорит отец, – суета сует и затей хитростные». Благочестием и набожностью в семье никто не страдает. Скорее наоборот. Макс случайно услышал, как отец разговаривал по телефону с кем-то. Вот это был художественный «свист». Высокий стиль русского мата. В доме такие слова не произносят, поэтому Максим и запомнил. В комнате Макса две особые вещи. Вот этот шкаф-купе сделали на заказ. Но это ж надо по размерам. И вот кресло возле его стола. Кожаное, шикарное, директорское. Поворачивается. Можно менять наклон спинки. Удобное кресло. В прошлом году отец купил здесь, недалеко. В обычном магазине. Это, что бы ему, Максиму, было удобно заниматься. Максим плюхнулся в кресло. Про себя он называл его малым тронem. Мать мечтает о том дне, когда ее сыночек займет место в совете директоров, по правую руку от папеньки. Сидеть целыми днями на совещаниях, следить взглядом за полетом мух. Такой жизни врагу не пожелаешь. Взгляд карих глаз Максима отыскал сотовый телефон. Черный раскладной прямоугольник лежит на столе. Может, Даньке позвонить, проснулся или еще спит. Данька – это его друг. Хороший парень. Не такой спортивный, как он, но друг настоящий. Он не скажет за спиной какой-нибудь гадости. Если что и скажет, так в лицо, не будет прятаться. И потом, Даня может взглянуть на вещи как-то по особенному, по своему. Не как все. И это нравится Максиму. Вот совсем недавно они заговорили, случайно, о русских былинах. Тогда Данька выдал. Придумает же такое.

– А ты знаешь, что Соловей-разбойник – хороший. Он положительный герой. Только ему не повезло. Оклеветали его. Дурную молву пустили, а все потом и подхватили. Так и остался

запятнанным. Можно сказать, судимость парню пришили. Судьбу искалечили. Он, может быть, страну бы прославил. Семей обзавелся. Остепенился. Один донос – вся жизнь под откос. За границу бы ездил. Выступал бы с концертами по всей стране. Автографы раздавал. А тут, эх! Блюда с его рылом на ярмарках бы распродавали. Кафтаны с ликом звезды на рынках продавали.

– С чего бы это? – Возразил Макс. – Разбойник он и есть разбойник.

– Вовсе нет. Обычный парень. Я доподлинно знаю. Фамилия у него Соловьев. Парень талантливый. На саксофоне играл. А где играть? Где народа побольше. Вот он и играл на Муромской дороге. Там много людей проходило и ездило. Вот он для них и играл. На свои концерты созывал. Никого он не грабил, не разбойничал. У него и в мыслях озорничать не было. Билеты продавал на свои концерты. Не всем то нравилось. Играет однажды Соловьев на саксофоне, пританцовывает, что б публике понравилось. Подтанцовка в те времена тоже была. Скоморохами прозывали. Только парню платить им было нечем. Тут по дороге купец едет с женой. Та к мужу пристала. Давай купим билетки на концерт. Сходим, а то в наших краях скучище. Купца жаба задавила. На билеты тратиться. Да и жёнку свою приревновал. Эко, на парня молодого глазками-то зырк, зырк. До беды может дойти. До грозы, как у Островского. Купец хоть и не читал пьесу, но понятия имел. А что их, пьески-то читать или смотреть, одна трата денег и срамота это. Щелкоперов и борзописцев баловать, потворствовать бездельникам. Он и к молебну когда ходил, не всякий раз юродивым подавал. И то с умыслом. Что б не стояли на паперти и не голосили: обидели юродивого, отняли копейку. Нет копейки и отнимать нечего. Что народ в смущение вводить. Вот и решил, царю-батюшке челобитную направить. Донос. Общественность не равнодушная сигналил. О царстве-государстве в забутушке, во прославление государя. Вот и прописал все, как есть. Сидит на дороге злодей, в дуду свистит басурманскую. Деньги собирает. Проезжий народ грабит. Торговлишке от того разор. Не пройти, не проехать по дороге Муромской. Ослободи, государь, от супостата. Вот, думает, царь и прижмет этого артиста. И жене объяснить можно, не идти же на концерт к изменнику, к разбойнику. То-то польза будет. Получил царь челобитную. Прочитал. Задумался. И, правда, получается, сидит на дороге, свистит в дуду басурманскую. Народ обирает. Богатству и процветанию царства козни строит. Супротив устоев государевых пошел. Верно, в народе-то говорят, сегодня он играет джаз, а завтра Родину продаст. Никакого благолепия в дуденьи том нет. Вот ведь штука, какая выходит. Позвал Илью Муромца. Ты, Илюша, разберись там. Разгони всех. Не к чему народ православный в смущение вводить. А Илья – парень простой, исполнительный. Приказали – сделал. Поехал, увидел Соловьева, дуду отнял, по шеям проходимцу надавал. Артиста каждый обидеть может, и силушки не надо. Поехал. Царю доложил. А тут послы заморские вмешались. Свободу душейте. Демократии ходу не даете. Мы на вас санкции сейчас напустим. Не позволим нашим принцессам замуж идти за царевича Ивана – придурковатого. И конец роду вашему, династии. Царю бы жезлом о пол и гаркнуть на послов. Не додумался про импортозамещение. У нас у самих девок полно. Еще лучше. Все натуральные. Одна за французского короля замуж вышла. Капетингов наплодила. Династию поддержала. Нашу династию не хуже могли б поддержать. Не крашенные. Так он давай оправдываться. Мы для народа, для демократии. За нее, что б ей пусто было, боремся. А парень тот народ грабил, посольствам препятствия чинил. Разбойник. Про то указ велел издать. Глашатаем велел трубить. Средства массовой информации подключил. Вот и измазали парня чернухой. Невинно пострадал.

– Ну, Дань, ты даешь, – смеялся Максим.

– А что? В истории таких случаев пруд пруди, – продолжал Данька. – Ты Шекспира читал? Ричард третий. Ричард Глостер. Кровавый. Кстати, последний из рода Плантагенетов. Так кровавый ли он? У Шекспира здорово там. Коня мне, коня. Полцарства за коня. А Генрих Ланкастер? Кого он победил. Конечно, злодея. Кровавого изверга. Горбуна. И племянников своих Ричард в Тауэр посадил. Там и казнил. А в те времена Тауэр не был просто темницей. Госу-

дарственная твердыня. Монархи там отсиживались во времена смуты. Может, он племянников там укрыл от опасности. Спасти хотел. А потом описали все иначе. Мало того, что он моральный урод, так еще и физический урод. Что б народ поверил. А сейчас выяснили, не было у него горба. Естественно, что победитель, Генрих, должен был показать, что он не просто победил, а одолел чудовище и взошел на трон на законных основаниях. Избавитель. Все во благо народа. И все будущие поколения должны так думать. Такое часто бывает в истории.

Данька мог рассказать множество любопытных историй. С ним Максу было интересно.

Через открытую дверь комнаты доносились голоса. Ну вот, родители опять ссорятся. В начале ссорятся, потом мирятся. Традиция у них, что ли такая. Сейчас они вещи по чемоданам распахивают.

Отпуск – то, что ожидают весь год. В прошлом сезоне ездили в Египет. Мать готовится к отпуску заранее. Все туристические фирмы обойдет. Все включено. Помилуйте, а бывает иначе? Что пойдет сверх? Шашлыки на берегу Нила. Освещение – жертвенники из храма. В темноте бродят шакалы. Бездомных собак набрали на окраине Каира. Среди гостей сам Тутанхамон и Нефертити. Там крем для лица продавали из навоза крокодила. По рецепту Клеопатры. Максим был уверен, таким кремом царица мазала рожи провинившихся служанок. И мазь для суставов с ядом змеи. Яд змей, потомков той, что укусила Клеопатру. Мать купила. А ныне, что их ждет? Вечеринка с Султаом Баязетом. Невольницы султана разносят прохладительные напитки. Шах-заде за барной стойкой смешивает коктейли. Отец только вздыхает и принимает все с покорностью. Один раз в год вдали от глаз нормальных людей он готов выдержать все эти глупости.

– Галя, ну сколько можно. Мы же договорились, берем в отпуск только самое необходимое, – говорил отец. В голосе не столько раздражения, сколько отчаяния.

– Игорь, это и есть самое необходимое. Так, берем еще две пары босоножек, еще один купальник, не забыть вот эту и эту блузку. То же возьмем. Тебе пару рубашек. Максиму надо еще собрать.

Она увлечена сборами – дело ответственное. Слова мужа не доходят до сознания.

– Галя, зачем тебе все это с собой? Мы в отпуск едем, отдыхать! – Раздражение в голое нарастает. Макс представляет, как отец нервно шагает по комнате, ищет на чем сорвать свое негодование.

– Вот именно. А что я там на себя одену. Мы в отпуск едем, а не бегать по прачечным. Если так, то я останусь дома. Езжайте без меня. Я здесь останусь. – Теперь уже мать выходит из себя. С шумом захлопывает крышку чемодана. В голосе пробиваются слезы. Главное оружие пущено в ход. Противник повержен.

– Ну, хорошо. Берем. Как скажешь, – уступает отец. Сдался. Капля камень точит, женская слеза сердце мужчины.

– Вот, снова мирятся, – ворчит Макс. – Хоть бы двери закрыли. Слушать надоело.

Скорее бы позвонил Данька. Тут сотовый телефон ожил.

– Данька, это ты? Да. Да. Как обычно, на остановке. Сейчас буду. Не опаздывай.

Макс сунул сотовый в карман и поспешил из дома. Сбежал.

Данька жил на Тракторной улице. В трехэтажном доме, на верхнем этаже. Дом старый. Улица маленькая. Короткая. Не больше дюжины домов. Дома здесь все старые, но добротные. Каждый дом со своим характером. Дом на противоположной стороне улицы, чуть наискосок, вылитый барин. Рядом с ним дом попроще, с влитыми в стены колоннами. А вон тот, как парнишка в кепке. Жиган – лимон. Ему бы финский нож. Улица Тракторная до недавнего времени оправдывала свое название. И проезжая часть и тротуары были такими, словно по ним ездили на тракторах. Но год назад уложили новый асфальт. Про дворы забыли. Там и сейчас все в ухабах. Тротуары от проезжей части одевают газоны. Старые тополя, кусты сирени и акации. Все растет, как вздувается. Милое запустенье. По улочке редко проезжают машины.

То ли улица никому не нужна, то ли водители еще помнят состояние дороги. Прохожие то же не жалуют Тракторную. По вечерам, перед сном, по улице гуляют пенсионеры. Тихо здесь. Ямы и бугры во дворах, если кому и докучают, то не администрации района. По весне и в ненастную погоду кругом лужи. В Данькином дворе детская площадка есть. Песочница, в которой давно нет песка, детские качели с оборванным сиденьем и скамейка. Давно покосилась, ножки сгнили. Сесть страшно – упадет. Жухлые кусты и чахлые деревья. Пара металлических гаражей, контейнер для мусора. Ничего, не во дворе живем, а в доме. Данька дошел до конца дома, перепрыгивая через ямы и колдобины, решил выйти из двора, хотел по хорошему асфальту пройти. Красно-белая лента преградила путь. Закрыт проход. В соседнем доме меняют кровлю. Перейти улицу было невозможно. На той стороне газон, густые кусты. Не продраться же чрез них. Вернулся. Пойдет дворами. И он пошел по этому бездорожью. Погожий выдался денек. Данька шуруется от ярких лучей солнца. С мелкими неудобствами можно смириться. С мелкими – можно. А с катастрофой? Катастрофа надвигалась. Реальная и вполне ощутимая. Вы же не станете утверждать, что ничего не ощутили, если вам двинут кулаком в челюсть? Даня увидел, впереди стоит и ухмыляется Серега, парень из параллельного класса. Задиристый. Наглый. Любит лезть к тем, кто не может ответить, у кого родители победнее, не побегут в школу жаловаться. У них в школе много детей богатых родителей. К ним он не пристаёт, стороной обходит. Вот к нему, к Даньке, привязаться может. Особенно, если Максима рядом нет. Того он побаивается. Недавно, так получилось, что Макса не было рядом. В школьном дворе. Серега подкатил, выхватил у Даньки сумку из рук.

– Один ходишь, без охраны? – Высыпал все из сумки на землю, пнул ногой учебники. Заметил, что среди книг была «Одиссея капитана Блада». Данька любил этот роман. Иногда заглядывал в книгу.

– Смотрите, что он с собой таскает. Детский сад. Ты еще сказки прихвати. Дите. Даже бить расхотелось. – Серега работал на публику. Крутой. Пусть уважают.

Сумку бросил Даньке под ноги и пошел, наслаждаясь произведенным эффектом. Свой жертве Серега мог бы сказать известной фразой: ничего личного. Неприязни к жертве он не испытывал. Хотел прослыть крутым. Пусть все знают, какой он крутой. Но дела это не меняет. Сейчас Даня ничего хорошего от этой встречи не ждал. Он посмотрел по сторонам, может, удастся обойти. Но спрятаться было негде. И подъезды все заперты, не забежать. За редкими кустами не спрячешься. Оставалось идти навстречу своему недругу. Идти навстречу своей неминуемой судьбе. «Так весело, отчаянно шел к виселице он, в последний раз, в последний пляс пустился МакФерсон, – это про меня, с тоской думал Данька. Он собрал всю силу своей воли. Только не показать, что боится. В животе что-то противно заурчало, в руках и ногах предательский холод. Но он все равно шел вперед.

Наверняка, Серега какую-нибудь пакость удумал. Они поравнялись.

– Ты куда? – Спросил Серега. Противно улыбается. Темные очки напялил, чертов спецгент. Любит покрасоваться. Салатного цвета рубашка с коротким рукавом. Ворот расстегнут. На шее толстая серебряная цепочка. Брюки фирменные. Туфли, какие не каждый может себе купить. Если б Даня мог спокойно сейчас посмотреть на себя со стороны, то вид свой описал одним словом: ремок. Короткие старенькие брюки, кроссовки и рубашонка кирпичного цвета. Его не заботила одежда. Считал себя симпатичным, но только потому, что таким был его любимый книжный герой Лесли.

– Пошел гулять. А ты? – Ответил, как можно спокойнее, Даня. Словно смотрит в глаза смерти. Жуть.

– Я тоже гуляю. Смотрю, знакомый идет. – Серега изображает радость встречи. Рада кошка, что мышку встретила. – Думаю, подойду, поздороваюсь. Привет передам твоим носкам. Они смотрю, подросли. Чего не скажешь о твоих штанах. Может, по шее кому дать?

Сергея картинно играет мускулами, сжимает и разжимает кулаки. Наслаждается страхом и беспомощностью Даньки.

– Что ты привязался к моим брюкам? За своими следи. – Даня огрызается со страха.

Радостно чирикают птицы. Из окна в соседнем доме доносится звон посуды и громкие голоса. Отчаянно хочется рвануть и убежать подальше. Ноги ватные.

– Хочешь, по шее двину? Мне не трудно, – Сергей рассмеялся. Он забавляется.

– Отстань, иди, куда шел. – Шел бы ты Серега туда, куда поспешно сбежало мужество Дани.

– Сегодня не видно твоего защитника. Нарвался ты, Даня. – Сергей снял темные очки. Положил в карман рубашки. Такие очки больших денег стоят. Не по средствам всякой голытьбе.

Сергей совсем уже собрался ударить этого слабака, но заметил двух старух на скамейке. Сидят, озирают двор. Выглядывают предмет осуждения. Все у них на заметке.

«Вот старые уродины, – подумал Сергей. – Расселись тут. Уши наострили. Крик поднимут».

Шума ему не хотелось. Такая веселуха обломилась. Старушки, действительно приглядывались к этим двум пацанам. Они только обсудили подрастающее хулиганье и тут, вот прямо на глазах, живой пример их мудрых размышлений. Разве можно такое пропустить. Они ожидают продолжения, потом будет, что обсудить.

– Носки подтяни, дистрофик. Свалятся. – Сергей обошел Даньку и прошептал – Еще свидимся в темном переулке. Кишки выпущу.

Сергей пошел дальше, что-то насвистывая. Старушки оторвались от этого зрелища, стали обсуждать цены в магазинах.

Даня стоял, пытаясь прийти в себя. Было безумно стыдно за свой страх, за свое бессилие. Не торопясь, пошел дальше, надеясь, что до встречи с другом сумеет совладать со своими эмоциями. По дороге он ругал себя последними словами. Трус проклятый. Удохлик. Девчонка. Когда ты, наконец, станешь мужчиной. Ну, хоть что-то мужское в тебе появится. Тренировать характер надо. Сегодня же лягу спать без света. Нет, лучше завтра. Макс уедет, и я начну. Любая отговорка сейчас казалась ему настоящей причиной. При свете дня думать о том, что свет включать на ночь не обязательно, была вполне приемлемой. Тьма еще не подступала к его постели.

Данька вышел на Академическую, свернул к троллейбусной остановке, где они должны были встретиться с Максом. С каждым шагом чувствовал себя бодрее. Осадок оставался, бывает. Дело житейское. Среди ожидающих троллейбус людей стоит друг. И забыто минутное огорчение.

– Привет, Макс. – Кивнул головой.

– Привет, Данька. – Улыбается.

Они крепко пожали друг другу руки.

– Может, зайдём в киоск, мороженое купим, а? – Предложил Максим.

– Нет, Макс. Ну, его, – Даня небрежно махнул рукой.

Максим понимал, что у друга с деньгами проблема, но обижать его не хотел. Поэтому по взрослому сказал:

– Я в отпуск уезжаю. Положено проставиться. Иначе не по-людски получится.

Они зашли в киоск и купили мороженое. Шли, и ели. Ноги сами вели их по привычной дороге. Они шли в сторону школы, потом свернули в сквер, устроились на скамейке. С той и другой стороны проезжали машины, автобусы. Ряды кустов отгораживали сквер от остального мира. Там по тротуару люди спешили по своим делам. Здесь оазис покоя среди городской суеты. Здесь люди ведут свою неторопливую жизнь.

– Слушай, Макс, ты фото там побольше сделай. Потом расскажешь мне обо всем. – Даня пристально посмотрел на друга. Разглядывая фотографии можно представить дальние страны, ощутить запах моря, упругость чужого ветра.

– Не вопрос. Сделаю. Приеду и все расскажу. Ваш личный корреспондент сообщает. А ты, Даня, чем здесь собираешься заняться? – Максиму хотелось поехать к морю, но и оставлять друга было жаль.

– У меня дел невпроворот. Планы грандиозные. Здорово, что ты на море едешь. Увидишь, какое оно. Я ни разу не был. Любопытно. – Данька прищурился, улыбнулся. Представил шум морских волн, голоса людей на пляже.

В глубине души Данька мечтал о приключениях, о море. Он хотел услышать песни морских волн, вдыхать свежесть морского ветра. Слышать крики чаек. Он был уверен, чайки кричат то, что слышали Тристан и Изольда, когда плыли к королю Марку. Загадочные крики: три кварка, три кварка для сэра Марка. Так было рассказано в «Поминках по Финегану» Джеймса Джойса. Море – родина пиратов и первопроходцев. Алые паруса и Зурбаган.

– Так чем ты займешься? – Настаивал Макс. У него было чувство вины перед другом. Оставляет в душном городе. Мог бы – взял с собой.

– Задачу одну хочу решить. Математическую. – Он на досуге думал об устройстве мира, вселенной. Теории ученых его не устраивали. Большой взрыв? Кто подложил взрывчатку, из которой родилась вселенная? Что представляло пространство в котором пороховая бочка рванула? Акт творения? Бог-пиротехник? Устроил нам фейерверк и отправился дальше?

– Тебе в школе мало было. – Чудной у него друг. Максим скорчил рожу, всем видом показывая, как опротивела ему школа.

– Она не совсем математическая. Ее с точки зрения философии надо решать. – Даня любил отыскивать противоречия в многочисленных фактах. Часто хватался за разные книги, надеясь, что кто-то до него разобрался в сложном мире.

– Господи, Даня, куда это тебя понесло. Голову беречь надо. Мозги нельзя переутомлять.

– Ты послушай, – начал объяснять Даня, – Если единицу разделить на нуль, что получим?

– Бесконечность, естественно. – Простейший вопрос. Опять Даньку понесло.

– Теперь единицу подели на бесконечность. – Даня подмигнул другу.

– Нуль.

– А если эту бесконечность умножить на твой нуль? – В своем невежестве обрету прозрение.

– Неопределенность, дураку ясно. – Протянул Макс.

– А мне нет. Дураки не знают, что при этом получится. Корчат умную рожу и твердят: неопределенность. А может, все зависит от природы нуля и бесконечности. Может, получим ту же единицу. Все в ней, как в исходной по виду. Только единицу иного мира получим, иного пространства? Если в мире ничего не исчезает бесследно и не появляется из ничего, то природа нуля – это загадка. И бесконечность имеет свою меру. Мэру, понимаешь? Измерь ее. Тут и надо понять философскую сущность нуля. Что понимали древние ученые, когда ввели нуль. У древних римлян его не было.

– Ты что, с древними арабами решил побеседовать? – Очередная причуда. Максим шмыгнул носом. В каникулы нести такой бред!

– С арабами бесполезно. Арабские числа придумали в Индии. Арабы их только переняли. Что есть нуль? Это отсутствие чего-то или нечто отсутствующее? Если ты вышел из комнаты, то не перестал существовать.

– А в чем разница? Словесная эквилибристика. Субъективный идеализм. – Максим удивился самому себе. Идеализм? Нахватался словесных блох от друга.

– В первом случае, мы имеем отсутствие чего-то. То, с чем мы работаем – отсутствие, как объект Материальная субстанция. Отсутствие, как данность. В другом случае нечто престало

существовать только в нашем восприятии или точке пространства. Такое обращение в нуль – мгновенное перемещение. Либо существует что-то само по себе, или это что-то замещаемся своим отсутствием. Ничего не исчезло. Все превратилось в ничто, а ничто становится всем. При этом они неразделимы. Единая сущность. Как ты понимаешь нуль?

– Дырка от бублика, – как-то вяло ответил Максим. Минута, и мир поплывет в туманном мареве безумных размышлений.

– Именно. В этой дырке ничего нет и что-то есть. Иначе ее самой не было бы. А бесконечность. Посмотри на знак. Крылышки бабочки. Словно нуль умножен на нуль. В самом символе бесконечности кроется разгадка.

– Разгадка в том, Даня, что ты – шизик. Шиза косит наши ряды. – Простое спасительное объяснение.

Данька не обиделся на друга. Он подбоченился. Принял величавый вид и произнес:

– Всех гениев поначалу за шизиков принимали. Джордано Бруно – еретик. На костер его. Лобачевский с его геометрией – позор. Эйнштейн и его теория относительности – бред сивой кобылы. А если при помощи только двух вещей нуля и бесконечности можно изменять время и пространство? Оказаться в мгновение на другом краю вселенной. Получить невиданную энергию?

– Здорово тебя приужахнуло, Даня. Люди в белых халатах ждут своего часа. Печальные окна больничной палаты. Потерпи, скорая едет. – Издевался Максим.

– Кто бы поверил, что две параллельные прямые пересекаются? И Земля... А все-таки она вертится. – Данька увлекся и не мог остановиться.

– То-то я думаю, вернусь из отпуска, первого сентября, захожу в школу, а в фойе мраморный истукан стоит. Вылитый Даня. В полный рост. И на мир смотрит не через очки, а сквозь знак бесконечности.

– Мне эта идея нравится. Можете запечатлеть меня таким для будущих поколений. Вот еще, если сегодня двадцать второе число, а нам надо дожить до двадцать пятого. Сколько дней?

– Ну, три. – Задача для первого класса.

– Это ты так думаешь. Посчитаем, – Данька начал загибать пальцы. – Двадцать два, двадцать три, двадцать четыре, двадцать пять. Получилось четыре, а не три.

– Жульничество – это. Если включительно, то четыре, а если исключить начальный день – то три.

– Все дело в точке отсчета. И так во всем. – Данька с превосходством посмотрел на Максима.

– Даня, ты – шизик. Ты меня уже уболтал. У меня мозги начинают кипеть.

– Хорошо, что есть чему кипеть. Значит, что-то есть в башке. А то и кипеть нечему. Главное, чтобы крышку не сорвало, – смеется Данька.

– Уже срывает. – Макс закатил глаза, закачался из стороны в сторону.

– Ты ее, голубчик, привяжи чем. Примотай покрепче. Проволокой. Сейчас кусок отыщем. Присобачим. родимую. Ты не переживай. Как тут и было.

– Ну, и гад же ты. Даня. Как такого гада земля носит.

– Носит. Я худенький.

– Даня, я думаю, в отпуск тебе надо ехать вместо меня. Отдохнуть. Голову подлечить. На море.

– Что оно море? Ну его! – Отнекивался Данька.

– Вот школу закончим, станешь каким-нибудь ученым. Океанологом. Все моря твои. Будешь рыб изучать, морских животных, – Максим порой задумывался, кем станет поле школы. Они все бежали навстречу будущему.

– Ну, его. Не мое это. У тебя рыбки в аквариуме, а у меня и рыбок нет. Дело не в море. Не мое это. И не в этом счастье. Раньше люди жили в деревне. Ни какого моря не надо. Съездят

два, три раза за всю жизнь в уездный городок, и ладно. Ни какой заграницы. Так и говорили, где родился – там и пригодился. И счастливы были. Счастье не в том. Куда-то поехал, что-то увидел. Счастье в другом. Оно лежит в дугой, в эмоциональной плоскости. И не надо меня жалеть и жалеть тех, из других времен. Наши правнуки то же будут удивляться, как мы жили без таких необходимых вещей. Дикари. Вот ты сейчас, наверное, думаешь, как люди жили без телевизора, компьютера, без сотового телефона. А они жили, были счастливее нас с тобой.

– В дикости они жили, – сказал Макс. – Одна палка-копалка, и та на двоих. Счастье?

– Вовсе не дикость это.

– А как это назвать? Что у них было? Ничего. Удобства на огороде. Выйдут на улицу, ну и... Выйду на улицу. выйду на село, девки гуляют и мне весело. Выйдут, сядут на скамеечку или, как там,.. на завалинку. Семечки лузгают и рассуждают. Вон, Герасим-то вчера свою жену уму-разуму учил. Поленом обихаживал. Так она нынче рожу не кажет. Живого места, видать, на ней нет. А Никола давеча в уезд хаживал. Такое говорит. Не приведи, Господи. Бомбиста какого-то ловят. А у купца Сильверстова намедни лавку покрали. Среде бела дня. Целый кусок мануфактуры уволокли. Беда. Дни последние мира наступают. Так что, Даня, это жизнь, это счастье?

– А сейчас, Макс, по-другому? Все так же. Только не на завалинке все сидят. Включи ящик, ну, телевизор. Сегодня в прямом эфире известная журналистка расскажет, как она проводит время с тремя своими любовниками. Что они ей подарили, и как она им изменяла со своим четвертым любовником. Ей пятьдесят пять, а ее бой-френду пятнадцать. Тайны истинной страсти. Завтра, не пропустите, мы в прямом эфире покажем встречу известного депутата Государственной думы со своими тремя незаконнорожденными сыновьями и их матерями. На встрече будет присутствовать нынешняя законная жена. Четвертая или пятая. Кто их разберет. Она обещала отгаскать соперниц за волосы прямо в студии. Не пропустите, будет интересно. И все бросятся смотреть. Перед вами настоящая жизнь. Вот оно – счастье. Так надо жить. Все остальные живут не правильно. К этому должны стремиться все. И эту мерзость показывают на всю страну. На завалинке сплетничали, но не на весь мир.

– Ну и что? – Спросил Максим. – Пусть смотрят, кому интересно.

– А то, что существовало и существует несколько культур в одном народе, разные образы жизни. Настоящее счастье... Вот вышел мужик в поле, распахал пашню, а от земли дух такой, голову кружит. Тучки набежали. Землю дождь польет, взойдут посевы. Урожай будет. Возвращается мужик к дому, а навстречу ему дети. Кричат: «Тятя, тятя». Вот оно – счастье. Оно – настоящее. Ради него стоит жить. А мы отгородились от мира. Заявили, что мы – вершина природы. Всякие гаджеты таскаем с собой. Но это не так. Мы хозяева жизни? Не надо ждать милости от природы, мы все возьмем сами. Никто нас не назначал вершиной мироздания. Мы только часть его. А море... Оно бывает разным. Ласковым. Добрым. В шторм бросается на берег. Яростно. А мы решили его покорить. Но не оно пришло к нам, а мы пришли к нему, и жить должны по его законам. Может быть, море напугано. Увидело нас и испугалось. Бросается теперь на берег. Это мы виноваты, а не оно. У нас виновны все. Другие люди, судьба, Бог. Сами мы ни при чем. С языческих времен у нас боги виноваты. Отвернулись от нас. А мы – хорошие. Даже анекдот придумали. Не везет мужику. Сил ни каких нет. Вышел в чистое поле, упал на колени, руки к небу. Господи, за что мне все это? А сверху голос: Ну не нравишься ты мне, не нравишься. Сами мы не виноваты. И спрашиваем, за что покинул нас, Господь? А может быть, он с неба смотрит на нас. Он всемогущий, старый больной и беспомощный. И спрашивает: зачем покинули вы меня? В чем я перед вами провинился? Это, Макс, как раз точка отсчета, о которой мы говорили. Можно считать, что море враждебно. Можно говорить, человек – агрессор. Считать, что бог нас оставил, думать, что мы его покинули.

– Даня, тут можно к бабке не ходить. С головой у тебя не все в порядке. Что-то не то с ней.

– Все с ней то. Все то. Надо только попытаться посмотреть на мир по-другому. Может, был прав Эммануил Кант, когда говорил в «Критике чистого разума», что мы смотрим на мир через сетку своих понятий, своих представлений. Какова сетка – таков и мир. А он совсем другой. Хочешь, я еще тебе мозги подогрею?

– Ну, подогрей. – Вздохнул Максим. От этого придурковатого не отвяжешься.

– Загадка. Есть ли такой камень, который всемогущий бог не может сдвинуть с места?

Максим подумал.

– Всемогущий. Он все может. Значит, камня такого нет.

– Есть. Это камень на душе человека. Его сдвинуть, снять с души не может даже бог.

Только сам человек может снять его с души раскаянием.

Они расстались, как обычно, на троллейбусной остановке, и Данька пошел домой. Пришел и окунулся в прохладу комнат. Хорошо здесь, вдали от уличной жары. Плюхнулся на диван. Впитывал эту прохладу. Потом подумал: «Делу – время, потехе – час». Мать придет с работы, уставшая, а у него конь не валялся. Пошел на кухню. Приготовил ужин. Потом помыл пол. На улице жарко. Пыльно. Покончив с делами, пошел в свою комнату. Взял со стола книгу, и с ней устроился на диване. Посмотрел на обложку. На ней молодой парень в очках. Симпатичный, с приветливой улыбкой. Улыбка приветливая, чуть застенчивая. Как у него. В руке шпага. Скромный герой. В верхнем углу обложки в бордово-красных тонах ужасный злодей. Морда злая, руки скрючены. Это само Зло, с которым сражается парень. Скромный, неприметный. С виду не скажешь, что герой. На обложке золотыми буквами выведено: Смерть за углом. Данька открыл книгу на закладке и начал читать. Время от времени он прикрывал глаза, что бы ярче представить себе то, о чем он прочитал. Вот скромный герой вышел в темноту улицы. Асфальт еще мокрый после дождя. От этого на улице еще темнее. Только свет редких фонарей и тусклый свет окон. Справа что-то зашуршало. Лесли посмотрел в ту сторону. Тело. Человек. Ранен или убит. Лесли бросился туда, в черную тень дома. Наклонился к телу. Это Генри, доверчивый Генри. Его друг. В груди Генри кинжал. Губы друга шепчут что-то. Лесли вслушивается в слова умирающего. «Это Дорн» Бедный Генри мертв. Коварный Дорн заманил его в ловушку и убил на этой темной пустынной улице. Это работа извечного Зла. В завывании ветра зловещий смех. Удаляющиеся шаги в пустоте улицы. Но он, Данька, отомстит за друга. Уничтожит Дорна. Он, Данька, победит. Конечно, не он, а Лесли, но это без разницы. Бросается следом, надеясь в лабиринте улиц догнать Дорна. Но тот ускользает. Злодею не откажешь в уме и тонком расчете. Дорн укрылся на следующей странице, но Даня перелистнет ее, схватка неизбежна. Он так увлекся повествованием, что не заметил, как пришла мать. С порога она крикнула:

– Даня, я пришла. – В руках сумка с продуктами. В глазах радостный блеск. Зарплату дали, еще один месяц удалось свести концы с концами.

– Да, мам, – он встал с дивана, отложил книгу. – Мама, а я ужин приготовил. Разогреть?

– Разогрей, Даня. Я сейчас переоденусь и поужинаем.

Она ушла в свою комнату, а Данька бросился на кухню, разогреть еду. Когда они сели за стол мать, такая радостная, сказала:

– Нам сегодня зарплату дали. В выходные съездим, тебе брюки купим. – Мария Петровна ласково улыбается, поднося к губам чашку с чаем.

– Да зачем, мама! – Опять она о своем. Он переживет. Не стоит разбрасываться деньгами.

– И не возражай. Купим. И еще премию дали. – Мать так сияла, словно ей вручили государственную награду, и вручили в Кремле, сам Президент.

Данька улыбался в ответ. Премию. Что там, сущие гроши, но мать так радовалась, а ему захотелось ее поддержать. Она радовалась искренне, как ребенок, своему счастью.

– А еще, – мать понизила голос, словно делилась страшной тайной, – я узнала, что в колледже по соседству, экономический, кажется, техничка требуется. По совместительству. Рабо-

тать можно вечерами. После работы. Мне по пути будет. Берут на полную ставку. А платят больше, чем в музее мне. Здорово. Разбогатеет. Жить будем, как миллионеры.

«Как миллионеры, – грустно думал Даня, – вот тебе три рубля и не в чем себе не отказывай». Но расстраивать мать не стал. Когда еще он увидит ее улыбку. Светлую, без привкуса печали. Чаще поутру он видит, как стоит она у окна на кухне. Плечи печально поникли. Руки рассеянно гладят подоконник. Девочка, заблудившаяся в этой стране.

– Здорово! А можно я тебе там помогать буду?

– Нет, Даня. Я сама управлюсь. Ты здесь мне по дому помогаешь.

– Но мама...

– Не спорь. Это не обсуждается. Представляешь, как нам повезло. Будем жить, как богатые люди.

– Да, мама, – Данька снова грустно улыбнулся и пропел, – Хэв ю эни маней, ю из ричмэн ту. Если у тебя немного денег, ты тоже богач.

Мать так была рада своим новостям, что не заметила грусть в голосе сына.

Опустели тарелки. Чайник остывает на плите. И восемь раз прокричала кукушка в часах на стене. Они поужинали. Мать сказала:

– Я сама помою посуду, а ты иди, смотри свой сериал. Как ты можешь смотреть эту чушь? – В мягком голосе нежность. Возвращайся, сынок, к своим игрушкам. Маленький мальчик.

– Это не чушь, мам. Там смелые и умные полицейские борются с преступниками. Полковник Максимов давно всех бы поймал, если б в полиции не завелась крыса. На следующей неделе последняя серия. Он их поймает. И второй сезон начнется. Обещают еще круче.

– Эти твои сыщики-разбойники. Не поймешь, где кто. Иди уж, – мать улыбнулась.

– Поэтому и интересно, – сказал сын, покидая кухню.

Он посмотрел фильм. Потом Мария Петровна подседа к телевизору. Посмотрели новостной канал.

– Ну, пора спать, Даня. Ложись. Я скоро подойду.

Данька расправил постель. Разделся и залез под одеяло. Пришла мать, чтобы пожелать спокойной ночи. Она присела на краешек постели, взъерошила на голове Дани волосы:

– Спокойной ночи. Спи сынок. – Скоро он станет взрослым и другая женщина будет говорить ему эти слова.

– Спокойной ночи, мама, – он повернулся набок, натянул повыше одеяло.

Посмотрел на плюшевого мишку, сидевшего на тумбочке, рядом с настольной лампой. Мать заметила этот взгляд:

– Не зови ты мишку папой, не тяни его за лапу. Видно, это мой грех: папы есть не у всех.

Данька продолжил:

– Будет все у нас хорошо.

Мария Петровна повторила за ним:

– Будет все у нас хорошо. Спи. Уже поздно.

Она встала, вышла из комнаты, плотно затворив за собой дверь. Данька дотянулся до выключателя настольной лампы. Зажег ее. Надо подумать о чем-нибудь хорошем. Что бы быстрее уснуть. Он представил себе море. Волны тихо набегают на песчаный пляж. Ясное голубое небо, легкий ветерок. Макс на берегу. Вот Максим разбегается и прыгает в воду. Соленые брызги разлетаются во все стороны. Хорошо Макс отдохнет. Пусть отдыхает. Глаза Дани уже закрывались, и ему показалось (а может, это было на самом деле), как глазки – пуговки плюшевого медведя сверкнули. Сон своей ласковой, теплой рукой коснулся головы Даньки.

Часть 2

Край солнца выглянул из-за горизонта. Как робкий ребенок солнце оглядело, что прячется в темной комнате мира, и вот оно решило явить себя. Солнце медленно карабкалось по небосводу. Восход над морем – прекрасное зрелище. Настоящий ритуал в храме природы. Морские волны нежно целуют песчаный берег. Легкий ветерок гуляет над сушей. На песке лежит парень. Он свернулся калачиком, досматривая свои сны. Жнец-Сеятель смотрит на все это и улыбается. Качает головой и говорит:

– Дрыхнешь. Спишь. Спи. – Забавные существа, люди. И как только жизнь в них держится. Снежинки, тающие на ладони. Жизнь быстротечная. Мальчишка. Но и песчинка мироздания способна изменить путь звезд. Я начал свою работу. Время и тебе просыпаться от сладких грез.

Первый стяжек нитью перемещений сделан. Он соединил края вселенных. А тот, кто был выбран в качестве иглы, лежал сейчас на песке. Спал. Сеятель-Жнец был мастером в шитье. Сколько белых подворотничков пришил он к вороту своего кителя. Сколько больших и маленьких дырочек зашил на своей одежде. Если делать осторожные стежки, не торопиться, то шов даже не будет замечен. Вселенные будут сшиты.

Данька почувствовал тепло на своей щеке. Должно быть, это от лампы, которую он включил, укладываясь спать. Начал переворачиваться на другой бок, ощупывая ладонью простынь. Но... Данька открыл глаза, резко сел. Кругом, как и под его рукой, песок. Данька согнул колени, подтянул их к подбородку, посмотрел вперед, а там – вода, большая вода, до самого горизонта. Легкие волны плещутся рядом. А на воде качаются большие жирные голуби. Нет, голуби не могут сидеть на воде. Это чайки. Значит это – море. Ему снится море. А над морем солнце. Электрическая лампочка. Вот сейчас дотянусь до выключателя, щелкну – и погаснешь. Данька улыбнулся. Запах. Сам воздух был удивительным. Так должно пахнуть море. Соленая вода, водоросли и смесь каких-то трав. Ему не доводилось так близко видеть море. В кино или по телевизору видел, а во сне – впервые. Главное подольше не просыпаться, досмотреть сон. Данька встал, огляделся. Справа он заметил какие-то домики. Поселок. А за спиной, где кончается песок, росла жухлая трава. Дальше, немного выше, по берегу кусты и деревья. Высоченные пальмы. Удивительный сон. Яркий, цветной. Такие сны часто приходили к Даньке. Что там запах. Он мог вспомнить сны, когда видел мягкую вкусную булочку. Конфеты или бутерброд с твердокопченной колбасой и ощущать их вкус во рту. А запах – это пустое. Он подошел к воде. Волны плещутся вот тут, возле ног. А потом радостно побежал вдоль воды, вначале в сторону поселка, потом обратно. Он бегал так вдоль среза воды долго. Когда волна отходила от берега, он наступал на нее, когда она возвращалась, отпрыгивал назад. Так он играл с волнами. Почувствовав легкую усталость, упал на мягкий теплый песок. Полежал немного. Поднялся, подошел к воде, набрал в ладони влажного песка и начал строить замок. Прекрасный замок. Он давно хотел построить такой. Когда основа замка была готова, он подошел вновь к воде, набрал в пригоршни песок вместе с водой и стал поливать этим раствором свой замок. Капли застывали на стенах замка, создавая причудливый узор. Раствор капал с ладоней и пальцев. Данька вновь и вновь подходил к воде, чтобы набрать очередную порцию волшебной сказки. Причудливый замок был готов. Он сел возле него, что бы полюбоваться. Долго смотрел на творение рук своих. Потом встал и зашагал в сторону поселка.

Ноги проваливались в песок. Лучше пойти там, где росла подгоревшая на солнце трава. Данька забрался повыше. Там оказалась тропинка, и он пошел по ней. Туда, в сторону поселка. Тут ему пришла в голову мысль, это же – Зурбаган, город Александра Грина. Город алых парусов. Тропинка слилась с узкой грунтовой дорогой. Пыльной дорогой. А он шел и шел. Туда, к Зурбагану. Деревья молча следили за этим вторжением. Дорога ощущала легкую поступь

ног. Что ты принес, неведанный странник? Купол небес вздрогнул в тревоге. Данька шагает по вселенной своих снов.

Вот и первые домишки. Слева стоял недостроенный, из светлого камня, одноэтажный домик. Рядом разбросаны камни, оставшиеся у строителей. Кладка стен завершена. Можно разглядеть швы между камнями. Кровля еще не закончена. Даня идет дальше. Какие здесь халупы, выглядят бедно, сиротливо. Они смотрят пустыми глазницами оконных проемов, распахнутых навстречу ветерку. Беззубые рты дверей. Если возле домов росли деревья, но выглядели они, как сироты, изгнанные из родного дома. Печальные и непонимающие. Даньке казалось, что сон такой он видел. Идет в липком сиропе прошлого. Не торопится, оглядывается по сторонам.

А вот ребяташки, они играют прямо здесь, в этой пыли. Грязненькие. Оборванные. Какой-то маленький парнишка бежит прямо на него. Налетел на Даньку, задрал голову кверху, что бы посмотреть на такого большого дядьку, радостно взвизгнул и побежал дальше. Чумазый парень лет десяти тащит братишку за руку, тот упирается и машет свободной ручонкой. Старуха сидит на крыльце своего жилища. Старое поношенное платье, тряпица, выгоревшая на солнце, лицо изрезанное морщинами. Руки, костлявые худые руки, лежат на коленях. Старуха что-то бормочет и качает головой Глаза, не видящие мира в своей слепоте. Густая седина в волосах. Даньке сделалось страшно от этой картины, он отвел взгляд. Женщина в выцветшем платье, пыльный подол до земли. Далеко не старая. В ней жизнь еще борется с безысходностью и отчаянием. Неубранные волосы. Кто она? Куда идет? Во дворе натянута веревка, на которой сушится белье. Нетвердой походкой идет мужичок. Широкие холщевые штаны, грязная навывпуск рубаха. Расстегнутый ворот, на голове всклокоченные волосы. Местный бомж. Идет в поисках контейнера с мусором, будет там рыться – решил Данька. Плывет по дороге заброшенной бедности. В одном из домов открылась дверь, выглянула женщина. Выплеснула полное ведро воды на дорогу. Скрылась за дверью. Что больше некуда? – Подумалось Даньке – Канализация что ли засорилась? Участкового на тебя нет. Оштрафовал бы, как следует. Знала бы. Данька переступил через этот поток нечистот. Сон вел его по причудливым лабиринтам подсознания. Что еще спрятано в потаенных уголках мозга, и что может он предложить своему хозяину? Тук, тук, тук! Кто в тереме живет? Кто хозяин: сознание или подсознание? Они владельцы на паях и сами решают, кому и когда вступить в права владения. Но вот дорога перешла в брусчатку. Здесь и дома более опрятные, появились двухэтажные. Декорации сна меняются. Дворы огорожены высокими каменными заборами. И люди здесь другие. Женщина, то же в длинном платье, но более аккуратном. Не таком старом. И волосы убраны в прическу. С корзиной идет куда-то. Мужчины в темных брюках. Рубахи с длинным рукавом, с большим широким воротником. Ворот украшен кружевом. Рубашка заправлена в брюки. На голове у некоторых шляпы. У иных повязаны платки, чтобы не мешали длинные волосы. По мере того, как он приходит дальше по улицам этого города, домами можно было любоваться. В каждом было что-то свое, особенное. Дома на его родной Тракторной улице носили свой индивидуальный характер, а эти дома пытались рассказать о характере своих владельцев. Раньше Данька ничего подобного этому не встречал. Люди, восставшие ото сна, что окутал ближайшую улочку, одеты наряднее. Женщины в пышных юбках, украшенных кружевами и лентами. Роскошные шляпы. Попадаются и те, кто одет поскромнее. Мужчины тоже хорошо одеты. У многих на боку шпаги. Обуты в красивые туфли или сапоги. На головах широкополые шляпы. Изумительные рубашки: легкая ткань с вышивкой и кружевами. Данька стоял, озирался по сторонам, как деревенщина, попавшая в город впервые. Сон занес его в 3-D модель изумительного мира. Кто нарисовал все это, а потом перевел из плоскости в объем? Широкая улица. Возможно, главная в городе. Он пытается взглядом найти табличку с названием, но ее нет нигде. Решает: это улица Ленина, такая есть в каждом городе. Обычно центральная. Если бы он был художником, то присел где-нибудь тут за мольбертом. Запечатлеть все это. Писал бы в стиле

импрессионистов: Моне, Ренуара, Дега. Не упустить, поймать все оттенки света и сам воздух этого города, Зурбагана. Он пошел вверх по улице. Ему показалось, что туда идет большинство людей. Проехала повозка, запряженная резвой лошастью. На козлах сидит кучер. Сзади сидит красивая горделивая дама. Со своего возвышения оглядывает прохожих. Ремень бы безопасности на нее накинуть. На перекрестках нет светофоров. И мужики в канареечных жилетах с полосатыми палками попрятались. Рай автомобилиста. Вот еще одна повозка. В ней мужик с бабой. Муж с женой, наверно. Если бы шум этой улицы заменить музыкой, музыкой Клода Дебюсси, можно подумать, что он находится в музее под открытым небом. Это сон. Только сон. У Даньки возникло ощущение дежавю. Он где-то все это видел. Конечно, в музее на работе у мамы, куда он часто заходил. На картинах. Данька чувствовал себя туристом. Посмотрите на лево, а теперь на право. Видите, вывеску, трактир «Красная черепаха»? Лучшее заведение города. Там собираются поэты, художники. Богема. Под этой кровлей рождаются шедевры. Там обедают музы. Из заведения вышла хорошо подвыпившая дама. Муза изрядно перебрала. Такое случается. Это пристань загулявшего поэта. Смотрите на право. На палке висит сапог. Это один из лучших обувных бутиков нашего города. Рядом с Данькой прогрохотала тележка. Ее толкал парень. В тележке свежая рыба. Даньке в нос ударил запах недавно выловленной рыбы. Какая рыба, он не знал. Обычно, он легко определял какая. И как тут спутать. В магазине на упаковке и ценниках всегда написано. Палтус. Ставрида. А тут ценников не было. Свежий улов. Данька шел вслед за этой тележкой и вышел на рыночную площадь. Народу здесь было много. Латки с товаром. Люди выбирают, торгуются. Вон стоит такая кубышечка, пытается доказать чего-то торговцу, переходит на крик. Обыкновенная базарная баба. Подобное встречалось на рынке, куда они ходили с мамой. Данька проходит мимо. На лотке красные помидоры, аппетитные огурчики, пучки зелени. Дальше фрукты. Интересно, какие тут цены. Он часто ездил с мамой на базар. Дешевле и свежее можно купить. Сам он не умел покупать на рынке, стеснялся. Узнать бы, какие здесь цены. Денег, особенно здешних, у него не было. Как они называются? Зурбаганки? Их у него все равно нет. Можно узнать, сколько зубаганок стоит килограмм помидор. Потом, поинтересоваться курсом к доллару. Доллар, он и в Африке доллар. Посчитать в рублях. Где здесь банк. Банков здесь, скорее всего, нет. Должны быть эти... ну... обменные лавки. «Я спросил сегодня у менялы, что дает за полтумана по рублю, как сказать мне для прекрасной Лалы по-персидски нежное люблю». Лавку не заметил. Вон развешаны тряпки. Местная барахолка. Китайцы или турки понашили. Эти везде пролезут, даже в Зурбаган. За фирменное, как у нас, гонят. Заметил лавку оружейника. Развешаны шпаги, кинжалы, даже пистолеты. К этой лавке даже подходить не стал. Что бы купить оружие, нужно разрешение. Столько справок собрать. От психиатра, от нарколога, характеристики. И массу другого. Потом в полицию. Ну, его, это оружие. Умный мужик Ремарк: прощай оружие. Дальше ряды с пряностями. Божественный аромат, даже голова начинает кружиться. Он подошел ближе. Вот перец, гвоздика, желтенькое – шафран. Это что? Кинза? Названий многих пряностей не знал, но запах удивительный. Данька побродил по рынку. Хороший, богатый рынок. Даже богаче, чем в его городе. Решил вернуться назад, откуда пришел. Может быть, еще раз дойти до моря. Когда еще приснится такой удивительный сон, а в нем – море. Если пойти вниз по улице, то, скорее всего, выйдешь к морю. Так он и сделал. Шел по широкой центральной улице. Разглядывал прохожих. Впереди шли двое мужчин. Хорошо одеты. Местные топ-менеджеры. Мелодия шуршащих купюр в тонком аромате кофе и виски. Тот, что справа, коренастый, высокий. Идет твердой решительной походкой. Слева – будет даже чуточку повыше. Стройный, ловкий. В походке сила и что-то хищное. Они переговариваются негромко, весело. Идут мужики бодро. Остановились, попрощались. Шедший справа, отошел, зашел в дом. Вторым пошел вниз по улице. Данька следом. Тут ему пришла мысль: это его сон. Он может делать тут, что захочет. В обычных обстоятельствах, он вряд ли дошел до такой дерзости. А тут... Он почти догнал незнакомца и крикнул:

– Дяденька! Дяденька. – Замирает звонкий крик.

Мужчина обернулся. Сейчас Данька сумел хорошо разглядеть его лицо. Темные глаза и волосы, упрямый подбородок, прямой нос, тонкие губы слегка улыбаются. Мужчина спросил:

– Парень, ты меня? – В голосе легкое удивление и интерес.

– Да. Дяденька. – Поздно отступать и прятаться за спины. Решимость пропала, но и убежать не хватило смелости.

– Что ты хотел? – Спросил незнакомец. По-прежнему улыбается. Голова чуть набок, ноги широко расставлены, небрежное внимание.

– Дяденька... – Данька не знал, как сказать. – А вы не могли бы мне помочь...

Даня замаялся, не зная, как высказать свою просьбу. Просьба странная для обычных обстоятельств, обычная для чудных сновидений.

Мужчина криво усмехнулся и начал шарить в кошельке на поясе. Он так понял просьбу парня. Решил дать мелкую монетку этому попрошайке. Кругом много бедноты, дать мальчугану на хлеб не жалко. Настроение хорошее. Не оскудеет рука дающего.

– Нет. Нет, дяденька. – Даня понял, что ему собираются подать милостыню. Покраснел. Не ловко переминался с ноги на ногу. – Я не это хотел. А у вас нет знакомого капитана?

– Капитана? А зачем тебе, парень? – Право, что за причуды у мальчишки.

– Я хотел попроситься у него в плаванье. – Быть на море и не прокатиться на кораблике. Отойти от берега, что б за волнами скрылась земля. Почувствовать себя Магелланом. – Мне бы чуть-чуть. Я никогда не был в плаванье. Мне чуть-чуть. Я никому мешать не буду. Я в сторонке посижу. Тихо. Честное слово.

Жалко что ли? Под ногами он мешаться не будет. Сядет на краешке и будет смотреть, как корабль разрезает волну.

Мужчина улыбнулся:

– Чуть-чуть? В плаванье? – Ребенок, выпрашивающий у родителей сладости. Забавную скорчил мордочку. Отчего не выполнить просьбу.

– Да, дяденька. Я чуть-чуть. Тихонечко. – Похоже собеседник готов согласиться.

Даня наклонил голову вправо, шею втянул в плечи, пытаясь показать, что и местечка на корабле он много не займет.

– Ну, если чуть-чуть, тихонечко... Тогда, идем. – Глаза смеются, мужчина прячет усмешку. Ему хочется самому, как ребенку, подпрыгнуть и закричать от шальной радости этим утром.

Мужчина повернулся и пошел, а Данька зашагал рядом, подстраивался под его шаг и даже пытался копировать движения рук. Он вздернул вверх подбородок, что бы еще больше походить на своего спутника. Во сне возможно все, главное очень захотеть. Они шли рядом по улице. Наконец, дошли до порта. Многолюдье. Большинство мужчин. Все заняты. Они окунулись в шум толпы. Разноцветье одежд и голосов. Тележки, тюки. Все смешалось вокруг. Даньке подумалось, главное не затеряться, не отстать от провожатого. Но он увидел корабли и остановился. Их было много. Чудесные парусные суда. Величественные. Великолепные, как в сказке. Данька увидел все это. На картинах он видел подобное. Но живой блеск воды, гул голосов, легкий ветерок создавали ощущение сказочного мира. Облака плывут по небу, как корабли. Корабли плывут по морю, словно облака. До облака не дотянись руками. Уходят в море корабли. Их ждут неведанные дали и приключения в пути. Они с собой уносят душу того, кто ждет на берегу. И облака омоют сушу, дождем, упавшим на лугу. Данька стоял и смотрел. Если кто-то верит, что атланты держат на своих плечах небо – они заблуждаются. Небо поддерживают вершинами своих мачт корабли. Это они удерживают выгоревшее на солнце небо, что бы оно не обрушилось на землю. Само солнце – это лампа, висящая на фонарном столбе – мачте. Разбежаться, взлететь в небо, пролететь на дельтаплане над этими кораблями. Прокричать им о своей любви. Он увидел все это. Такой миг стоит всей жизни. Даня зашмы-

гал носом, на глаза набежали слезы. Он подтер нос рукой. Незнакомец заметил, что парень отстал. Остановился, поджидая. Он пригляделся к мальчишке. «Он плачет? Почему?» — Подумал мужчина и печально улыбнулся своей догадке, — «Морская соль иным мальчишкам попадает в глаза. Таких слез не стоит стыдиться». Данька опомнился и побежал к мужчине. Тот повернулся молча и зашагал дальше, а Данька теперь старался от него не отстать. Они подошли к причалу, где ждала лодка с гребцами. Незнакомец сказал:

– Садись. – Коротко и не громко. Какие нужны еще слова.

Даня пытался осторожно забраться в лодку, но та покачивалась, и он плюхнулся на скамейку. Было больно. Следом в лодку спустился его спутник. Получилось у него это ловко, даже красиво. Сел напротив, дал сигнал рукой гребцам, и лодка поплыла. Они неслись по воде. Данька впервые плыл на лодке. Они прошли мимо одного корабля, мимо второго. И вот парусник, гордый прекрасный корабль. Они подходили к нему. Данька прочитал на борту название «Скиталец». Красивое название. Они подошли вплотную к кораблю. Сверху сбросили веревочную лестницу. И незнакомец вновь сказал Даньке:

– Залезай. – Лишь кивнул в сторону веревочной лестницы.

А как тут залезешь?... Лодка раскачивается, тут и на ногах не удержишься. Надо дотянуться до перекладки. Между лодкой и бортом корабля полоска воды. Лестница болталась. Лодку качало. Надо поймать лестницу. Удалось. Он ухватился за нее руками, с трудом нащупал ногой опору, и пополз вверх. Главное – не сорваться, как тогда, на уроке физкультуры. Лестницу снова качнуло, и он больно ударился коленкой об борт. Однако до верха дополз. Перекинул тело через борт, попытался встать на ноги, не удержался и рухнул на палубу, опираясь на колени и руки. Вскочил на ноги, всем своим видом показывая: со всяким может случиться. Ни чего особенного. Незнакомец стоял за спиной. Словно не видел, как Данька соскребал себя с палубы.

– Пойдем, – и прошел вперед, а Данька за ним. По палубе бродили какие-то люди. Одеты во что попало. Должно быть, туристы. У каждого матроса должна быть бескозырка и тельняшка. Ясно, туристы. Эти вовсе на матросов не тянут. Экскурсия. Не он один хочет на морскую прогулку. Его провожатый остановился у двери в каюту, распахнул ее:

– Проходи. – Не многословный у Дани провожатый.

Данька переступил через порог. После яркого света снаружи, в каюте царил полумрак. На полу лежал толстый красивый ковер. Красные и желтые узоры. В глубине комнаты массивный письменный стол. За ним резное большое кресло. Дальше – два огромных шкафа. У одной стены сундук. Огромных размеров. Он больше походил на поваленный на бок шкаф. У другой стены – диван. Несколько стульев с высокими спинками. Тяжелых, темного дерева. В комнате или каюте никого не было.

– Дяденька, а дяденька капитан, – спросил Данька, – не заругается, что мы вот так, без спроса вошли?

Вдруг хозяин каюты войдет и увидит, что они вторглись сюда. Выгонит, и о морской прогулке можно забыть. Незнакомец прошел к столу, сел в кресло. Снял шляпу и бросил на диван. Его изящные сильные руки легли на стол. Локтем правой руки чуть в сторону сдвинул зеленую обтянутую кожей коробку. Довольно прищурился и сказал:

– Нет, не заругается. Капитан – это я. Капитан Свен, к вашим услугам. Проходи, парень, садись.

Капитан улыбнулся. Свен забавлялся ситуацией. Внимательно следил за реакцией мальчишки.

Данька прошел к одному из стульев, присел на краешек. И сейчас нервно перебирал пальцы на руках. Наклонил голову, косясь на хозяина каюты. Ну, как так, он не догадался, что это – капитан.

– Тебя как зовут? – Спросил капитан. Ладони легли на гладкую поверхность стола.

Он видел перед собой ребенка, немного обиженного таким поворотом событий, чуть рас-терянного. Какого-то трогательного ребенка. Одет бедно, одежда чистая. Вряд ли долго ски-тался. Попал в жернова жизни недавно. Кто знает, что станет с ним, останься он на улице. Увы, корабль не приют для всех бездомных, для тех к кому судьба не благосклонна.

– Даня, – Данька это произнес тихо. Было немного стыдно, не догадался, что перед ним капитан.

Спасительной соломинкой пришла мысль: «Шутки шутить захотелось этому дядьке. А еще говорят: матрос ребенка не обидит. И чем дети перед взрослыми провинились, что они с нами так?»

– Дэн, – понял капитан. – А скажи, Дэн, с кем ты живешь, кто тебя воспитывает?

– С мамой, – сказал Данька. Какая разница, я взрослый и вполне могу сам за себя отве-чать. Еще родителей вызови в школу.

– А отец? – Снова спросил капитан. Без мужчины в доме не легко приходится. Одной женщине поднять детей не просто.

– Отца я не помню. Он однажды ушел и не вернулся. – Данька почти привык к этому обидному для него вопросу. Им всем невдомек, что от отца ему остался лишь плюшевый мед-ведь. Не ведома им боль его сердца. Черти с квасом съели отца. Он проживет.

Вопрос этот для Даньки был самым болезненным. Он безумно стеснялся того, что не знает отца. В подсознании это сидело каким-то пятном бастарда, признаком ущербности своего рождения. И дикой безумной волной на него накатила зависть к соседскому мальчишке, у которого был отец выходного дня.

Капитан покачал головой. Он по-своему понял выражение боли и отчаяния на лице маль-чугана и решил утешить:

– Такое бывает. Люди уходят в море, и море их забирает. Не возвращает никогда.

Капитан внимательно рассматривал своего гостя. Иногда одежда может рассказать о человеке больше, чем иные слова. Простенькая рубашка, поношенные штаны. Чистенькие, не рваные. Семья живет в нужде, но не на последнем краю пропасти. Край пропасти бедно-сти самый обманчивый. Один шаг – и сорвался. Капитан откинулся на спинку кресла, правой рукой в задумчивости провел по волосам. Задержал взгляд на ногах парнишки, на его корот-ких штанах.

Данька посмотрел туда же, на свои короткие штаны. Попытался спрятать ноги под стул. Разве здесь спрячешь. Густо покраснел. Набычился. Ну и что? Эти не снимут, другие не наде-нут. Но руки сами собой пытались одернуть штанины, чтобы они казались длиннее.

Капитан это заметил:

– У тебя хорошие штаны. Как раз для моряка. Штанины волной не замочит. А скажи мне, Дэн, что ты знаешь о море. – Парнишка сам сказал, что ни разу не ходил в море. Не каждый способен стать матросом. К крутому характеру моря надо привыкнуть. Не просто человеку перерезать пуповину, связывающую его с землей.

Даня пытался сообразить, что он знает о море. Он оживился. Сидел на стуле, как на насе-сте, вертел головой. Вспомнить ничего не удавалось. Такое во сне бывает, на яву он вспо-мнил бы.

Молчать было не удобно, он не мог вспомнить, в каком учебнике рассказывается о морях. В географии, размеры, площадь, глубина. И сообщил:

– Море, оно большое и глубокое. На нем шторм, иногда, бывает. В нем воды много, соле-ной.

Произносил это Данька медленно и обстоятельно, словно делился с учениками величай-шей мудростью, посвящал их в тайны мироздания.

Капитан удивился:

– Много воды? Соленой?

Свена это развеселило. Он с трудом сдерживал смех. От восторга легко хлопал себя ладонями по коленке.

– Соленой? – Переспросил капитан. Не смог сдержать улыбку. Ответ ребенка. Впрочем, в двух словах не рассказать об этой стихии. Расскажи ты мне о небе, расскажи об облаках. Свен слегка упрекнул себя. Каков вопрос, таков ответ. Трудно описать вещи, которые знают все. Самые простые. Что такое рука? Длинная с суставом палка с хваталкой на конце. Собственное неуклюжее определение рассмешило капитана.

Данька понял, что сказал что-то не совсем то. Хотел поправиться, но вместо этого сказал:

– А океан еще больше, в нем воды больше. – Закончив говорить понял, что вышло еще хуже. Очередная глупость. Молчал бы лучше. Кто за язык тянул?

– И что, тоже, – вновь удивился капитан, – то же соленой?

Свену захотелось залезть под стол, смеяться, кататься там по полу, дрыгает ногами от восторга, как ребенку. Очаровательная непосредственность в этом мальчишке. Свен вспомнил, что сам когда-то был ребенком. Давно. Очень давно. Теплой волной накатились воспоминания и тотчас отхлынули.

– Ну, да, – мямлил Данька, – то же.

Он сцепил руки на животе. Обида на весь мир и на себя душила его. Вот опозорился!

– Хорошо. А что ты можешь сказать о морских обычаях. Что-то морское знаешь?

Свен надеялся, что этот вопрос поможет парнишке выкрутиться. Сам отвернулся в сторону, что бы спрятать улыбку.

Данька вспомнил «Остров сокровищ» и фальшиво начал напевать:

– А ну, разворачивай парус, приятель. Эх-хе-хей, веселей дружок. Пятнадцать человек на сундук мертвеца и-хо-хо, и бутылка рома.

– Бутылка рома? – Озадачился капитан. Отличная морская традиция.

– Да, и бутылка рома. – Повторил упрямо парнишка.

Тут Данька вспомнил другую песню. Она показалась ему вполне подходящей:

– На шумный праздник пули и клинка мы к вам придем незваными гостями и никогда мы не умрем, пока качается светило над снастями.

– Ну, это лучше. Значительно лучше, – одобрил капитан, просто кладезь знаний упрятан в мальчишке. Глубокий. В смысле, знания спрятаны глубоко, не сразу откопаешь. – Может ты, что-то знаешь о жизни моряков.

Капитан задал этот вопрос и сам задумался. Потер ладонью лоб. А разве есть морская жизнь, земная жизнь? Если и стоит делить жизнь на какие-то стороны, то только на две: прожить жизнь как скотина и прожить как человек.

Тут Даня вспомнил:

– Конечно, – и поведал. – Когда корабли уходят на долго в море, моряки едят ночью, в трюме.

Это Данька причитал в каком-то пиратском романе. На земле ночью в трюме есть не будешь. Это морской обычай. Настроение сразу поднялось. Иду на пятерку в четверти. Ура!

– Ночью? – Переспросил Свен. – В трюме?

Ответ его озадачил. Кому придет в голову есть ночью. Спать надо. В темноте, в стороне от всех. Спрятал, а потом съел.

– Ну, да. – С энтузиазмом заявил Данька. Капитан, а такой простой вещи не знает. Сейчас он откроет ему глаза.

– Плаванье дальнее. Кругом жара. Солонина портится. Вот команда и ест ее ночью, в трюме. Что б червей не видеть. Это всем известно, дяденька капитан. – Он, Данька, о морских обычаях знает больше капитана. Книжки читать надо. Источник знания.

Многие знания, многие скорби, Даня.

– Я не дяденька капитан, а капитан Свен.

– Да, капитан Свен, я и говорю, в жару портится все. Черви заводятся. Вот ночь, в трюме, там лунного света нет. Они достают из бочки солонину, а на ней кругом – черви, – расписывал Даня, – и они их едят.

Даня и не понял, что он сказал. Мальчишка рассказывал это с таким задором, так размахивал руками, что можно было подумать, ничего вкуснее нет ничего на свете. Сам только и ест червивую солонину.

Хлеб с маслом. Солонина с червями. Не отказывайтесь, вкус незабываемый.

– Едят червей? – Какой бред.

– Ну, да. Червей. – Данька увлекся. Он не заметил доли сомнения в голосе капитана.

Капитан смеялся. Данька понял, что сморозил очередную глупость. Сник. Никто, никто не возьмет его ни в какое плаванье. Кому он нужен, такой тупорылый. Встал.

– Так я пойду, дяденька капитан. – Уйти самому прежде, чем тебе укажут на дверь. Уйти самому не так горько. Не возьмете? Не очень хотелось. У меня без вас полно дел. У вас корабль? Этих кораблей хоть лопатой грузи.

Когда пацаны не берут тебя в игру, уйди с гордо поднятой головой. Слезы обиды придут после, когда тебя никто не видит.

– Ты, что, передумал? Не хочешь в море? – Капитан видел, Дэн просто держит марку. Проигрывать надо уметь. У тебя получается.

– Хочу. Но вы же меня не возьмете. – Данька старается выглядеть равнодушным. Дело житейское.

Свен почувствовал укол раскаяния в душе. Своим смехом он обидел мальчишку. А тот говорил, искренне веря в свои слова. Еще ребенок.

– Сядь, – приказал капитан.

И Данька подчинился. Не приказ капитана остановил его. Глупая надежда, что он сможет остаться. Надежда, что живет в человеке вопреки разуму, вопреки логике. Мы живем в надежде на бессмертие.

– Ты что-нибудь хорошее о себе рассказать сможешь? Чем-нибудь похвалиться? – О себе любимом всякий может рассказать. Иные и без всяких просьб расскажут. Неужели кто-то сомневается, что я самый умный и красивый.

А что сказать? – думал Даня. – Что он помогает маме? Что у него в школе хорошие оценки. Про тройку по физкультуре можно не говорить. Только это совершенно не интересно капитану. Для него нет никакого выхода. Конец будет один. Смысла нет тянуть время. Свен увидел в глазах парня отчаяние и боль. А Данька почти кричал:

– Я слабый. Неказистый. Никчемный. Когда я забирался на корабль, я ударился коленкой. Залез и упал на палубу. Я.. Я ни кому не нужен, – отчаяние Даньки переросло в ярость.

Капитан заметил, сейчас перед ним не мальчишка, а раненый зверь, которого загнали в угол. Он борется из последних сил, яростно. В отчаянии. Это последний бой, смертельный. Это ярость и смелость обреченного, готового дорого продать свою жизнь, последний раз вздохнуть полной грудью, умереть в борьбе. Данька выкрикнул:

– Я – трус! Я боюсь темноты!

Замолк. Повисла тишина. Только скрип мачт и плеск воды. Гулко, как набатный колокол звенит тишина. Свен молча смотрел на мальчишку. Совершенно безжизненный взгляд. Как будто только что умер. Только губы тихо, без эмоций шепчут:

– Я никому, никому не нужен. Даже отцу. – В лице ни кровинки. Бессильно висят руки. Нервно дернулись губы. То ли силится выдавить улыбку, то ли заплакать. Не получается. Проигран бой.

Глухие слова отчаяния, произнесенные мальчишкой, больно ударили Свена. И не услышит смерть моей мольбы, уйду я не склонивши головы. Герой, ты признал свои слабости.

Не каждому это по силам. Свен понял, он должен удержать этого мальчишку. Исполнить долг перед самим собой.

– Хорошо. Я возьму тебя юнгой. Согласен? – Капитан пытается поймать взгляд парня.

– Юнгой? – Оживился Данька. – Я согласен.

До чуда, порой, только шаг. В один миг жизнь изменилась. На лице засияла улыбка, Свен не удержался и улыбнулся в ответ.

– Ты должен знать, это – корабль морских разбойников, пиратов, – решил капитан предупредить мальчишку.

– Пираты? – Данька представил большого зеленого с красным гребешком на голове попугая, сидящего на плече капитана Свена. Пиастры! – кричит птица и хлопает крыльями. Даня, уймись. Не грезится ли тебе одноглазый пират, сидящий на диване, что заботливо кормит молоком из блюдца котенка. Нелепо.

Это же здорово. Ему повезло. Он на пиратском корабле. – Думал Данька. Лицо его засияло пуще прежнего.

– Ну, что не передумал? – Капитан улыбается. Будто камень свалился с души.

– Нет, капитан. Я буду юнгой. – Твердо заявил Данька.

– Ладно. Расположишься здесь, на этом сундуке. Подушку и одеяло я тебе найду. А сейчас идем, я представлю тебя боцману.

Они вышли на палубу. Данька смотрел на все вокруг по новому. Мачты, доски палубы под ногами, канаты – все это его. Он и шагал по палубе по-другому. Юнга. Жаль, что это только сон. Они подошли к мужчине. На вид лет сорока пяти, крепкого телосложения. С суровым выражением лица.

– Боцман, Брин, – сказал Свен. Встретил хмурый взгляд боцмана. Чуть заметно кивнул головой.

– Да, капитан, – откликнулся Брин.

– Знакомься, это – наш новый юнга.

– Да, капитан, – безразлично принял слова капитана боцман. Он явно не был в восторге от такого приобретения. Но спорить с капитаном не стал.

– Он будет следить за моей каютой. А после пусть драит палубу, приучается к морской жизни. Работает с парнями. Я сделаю из него настоящего матроса.

– Да, капитан, – кивнул боцман. Склонил голову.

Капитан отошел в сторону с боцманом.

– Все ребята на борту, Брин? – Свен кивнул головой, отвечая на собственный вопрос. Команда не подведет.

– Все, капитан. – Еще час назад на борт поднялся последний. Разгильдяев здесь не держали. «Скиталец» для таких не место.

– Хорошо, готовься к отплытию.

Потом повернулся к Даньке:

– Юнга, сбегай на камбуз, принеси что-нибудь поесть. И себе прихвати.

Отдав распоряжение, продолжил разговор с боцманом. Данька, было, рванулся выполнять указание, но где этот камбуз... Было неудобно спрашивать у боцмана или капитана. Ничего, язык до Киева доведет. Он подошел к парню, стоявшему у борта, и спросил:

– Здравствуйте. А не скажете, где здесь буфет? – Если к прохожему обратиться вежливо, он обязательно подскажет. Об этом говорил опыт всей его жизни.

– Что? – Парень не мог понять, что от него хотят.

– Э.. столовая... – как зовут эту штуку, куда отправил его капитан?

– Что? – Серdito переспросил парень.

– Ну, этот, камбуз. – Вспомнил Даня.

– Так бы и говорил. Там, – Парень показал рукой – Найдешь.

Данька действительно скоро нашел камбуз. Он приоткрыл дверь, заглянул. Двое парней возле котлов. Ни белых фартуков, ни поварских колпаков. Антисанитария. На повара ни один не тянет. Да, ладно. Переступил порог.

– Здравствуйте, я новый юнга. Капитан послал меня за обедом.

– Хорошо, – откликнулся один из парней. Стал накладывать еду в миски и ставить их в большую корзину. Данька добавил:

– Капитан сказал, что и мне положено.

Парень только кивнул и продолжал свое дело. Закончил и протянул корзину юнге.

– Бери. – Не многословный здесь народ, решил новоиспеченный юнга. Таков морской характер.

Данька взял корзину и поспешил в каюту Свена. Капитан уже сидел за своим столом. Даня придвинул один из стульев поближе, водрузил на него корзину, вынул миски, расставляя их на столе. Отодвинул в сторону рулоны, возможно карты, освобождая пространство. Свен молча наблюдал за юнгой. Данька помогал маме по хозяйству, в этом он знал толк. Главное, расставить все с должным изяществом. Если у вас нет ничего кроме черствых сухарей, то лишь искусство сервировки стола выручит вас, когда король пришел к вам в гости.

Когда юнга передвинул карты, Свен раздраженно подумал: «Черт, что он себе позволяет?!». Касаться вещей капитана – вызвать его ярость. Это знали все. Боцман Брин был спокоен, когда представляли юнгу. Следить за каютой? Еще до того, как они выйдут в море, юнга окажется на берегу. Хорошо, если капитан отправит его на лодке. Выбросит просто за борт.

Все, миски на столе. Вроде, закончил. Осмотрел еще раз стол. Ему не очень понравилось, как он все расставил и начал переставлять по-другому. Он двигал миски по столу, а капитан наблюдал за этими манипуляциями. Юнга ухватился за миску, которую поставил перед капитаном. Начал ее двигать вправо, влево. Нет, не так. Подвинуть еще. Капитан крутил головой вслед за миской. Свен чувствовал, еще пара минут и он не сможет сдержать свою ярость. Возьмет мальчишку за ворот и лично отнесет его, как котенка, швырнет в лодку и прикажет выкинуть на берег. Свен был уверен, что характер у него святой, его долготерпению удивляются святые небеса. Но всему есть предал!!! Наконец, Даня успокоился. Собрал все, как надо. На званом ужине в Букингемском дворце не справились бы лучше. Но на стол там собирает не его мама. У нее получилось бы лучше. Вот и эти навыки пригодись. Пристроился рядом на стул. Капитан принялся есть. Лучшего способа одолеть гнев нет.

Данька медлил.

– А ты чего ждешь? – Спросил Свен. – Не нравится?

– Нравится, капитан. – Данька был неприветлив в еде. При их недостатке не удивительно.

– Тогда ешь. Или ты привык к более изысканной пище? У нас все едят одинаково. И матросы и капитан. К сожалению, мы не приготовили для тебя изысканных блюд. Солонина с червями в темном трюме. Привыкай к этой, – рассмеялся Свен. Раздражение отпустило его.

Данька начал есть. После того, как они поели, юнга унес посуду на камбуз. Вернулся в каюту. Когда он возвращался, солнце уже висело над краем горизонта. В южных широтах быстро темнеет. В каюте горели свечи. Капитан ходил из угла в угол. Останавливался и вновь мерил шагами каюту.

– Дэн, устраивайся там, на сундуке.

На крыше сундука лежала подушка и какое-то подобие одеяла. Даня пошел устраиваться.

Кованое чудо приглядывалось к своему пассажиру. Хлипкий. Такой и сдвинуть с места не способен. Юнга. Смеетесь? У капитана исключительное чувство юмора, – соглашался стол. – Если б на корабле водились мыши – загрызли. Шкафы не удостоили внимания юнгу. Диван презрительно хмыкнул.

– Ты ложись, а я пройду по палубе. – Капитан подошел к столу, задул свечи. Хлопнула дверь. Свен ушел. Они ночью выходят в море. Не помешает приглядеть.

В каюте царила темнота. Она обступала со всех сторон. Захлестывала удушьем. Даньке стало страшно. Он забился в самый угол, к стенке. Чувствовал, как тьма бродит рядом. Он натянул на голову одеяльце, зажмурил глаза. Спрятаться, и она не найдет. А тьма не решилась коснуться юнги капитана Свена. За бортом плескалась вода. Корабль слегка покачивался. Данька расслабился и уснул.

Часть 3

– Даня, Даня, – услышал он голос матери. Данька возвращал к реальности.

Открыл глаза. Все, как обычно. Письменный стол, компьютер на нем, тумбочка возле кровати. Утренний свет льется сквозь окно. Но чего-то не хватало. У ребенка отняли игрушку. Утро прокралось в комнату, когда тьма еще только убиралась восвояси, лучиком солнца, как рукой, скользнуло под подушку и украло волшебство. Все по-прежнему, только нет того волшебного сна, в котором только что жил мальчишка по имени Данька... Он с грустью понял, что не сможет вернуться на «Скиталец», не вернется в мир моря и парусов. Не увидит капитана Свена. Сон растаял. Его похитили. Даньке было больно от пустоты в душе, что появилась на месте похищенного сна. Ему хотелось остаться на краткий миг в мире грез.

– Да, мама, сейчас встаю, – крикнул он.

Встал, нехотя оделся и пошел умываться. Серый мир его будней. Потом прошел на кухню. Яркий цвет занавесок и цветы на окне померкли. Мать разложила в тарелки овсяную кашу. Данька сел за стол. На столе стояла масленка с настоящим сливочным маслом, а не обычная коробочка со спрэдом. Мать разлила в чашки ароматный чай. Присела рядом.

– Кушай, Даня. Давай, кушай. Я еще сыр купила, – каждая мать хочет накормить своего ребенка вкусеньким. – Здорово, мам, – Данька мало обращал внимания на то, что подавалось к столу. В его подсознании жили заветы прошлых поколений. Стол – это божья длань. Что дал Господь, то и ешь. Будет день и будет пища.

– Замечательная жизнь у нас начинается, сынок, – Мария Петровна пыталась растормошить сына. – Мы живем сейчас, как богатые люди.

Сколь не воздержанны в словах своих женщины. Боги слышат вас, смертные. Бойтесь, что услышаны будете. В ночь эту жизнь ваша изменилась.

Мария Петровна улыбалась. Она твердо верила, что так живут самые богатые люди на земле. Таков удел нищих.

– Да, – Даня улыбнулся ей в ответ. – А мне сегодня такой удивительный сон приснился.

Ходики на стене громко шелкнули, пружинки закрутились, любопытная кукушка высунула клюв из часовых створок.

Даньке очень хотелось рассказать о том, что привиделось нынешней ночью.

– Какой сон, сын? Ты что, как старая бабка в сны веришь? – Мария интуитивно сама верила в сны, но не хотела признаться в этом.

– Не, мам, ты что. Такой яркий сон, такой удивительный. – Пережитое ночью не выходило из головы. Образы были яркими. От них не избавишься в одночасье.

По оживлению сына Мария Петровна видела, выслушать стоит. Он все равно не отстанет.

– Расскажи. Расскажи, – мать кивала головой.

И Данька увлечено начал рассказывать:

– Мне снилось, будто просыпаюсь на берегу моря. На песке. На воде сидят чайки. Яркое солнце, вокруг песок и синее море. Я встал, смотрю, невдалеке город. Зурбаган.

– Зурбаган, в самом деле? – Рассмеялась Мария Петровна.

– Ну, конечно, мам. Я пошел посмотреть, что это за город. Такие удивительные люди и дома. Дома одноэтажные, двухэтажные. Люди одеты не так, как мы. Женщины в таких платьях, подол до земли. Есть, кто победнее одет, а кто побогаче одет. Такие пышные юбки. Мужчины, кто, то же, как одеты. Одни в холщевых штанах, рубахи на выпуск. Есть нарядные. У них шляпы широкополые. Кто-то при шпагах, – Данька размахивал руками, показывая, как висит шпага на боку. – Я там еще на рынок зашел.

– На рынок? – В ее представлении город мечты не место для рынка.

– Ага. Такой хороший, большой рынок. Но я не об этом. Когда я шел по улице, познакомился с капитаном Свеном.

Даня пытался рассказать все быстро, в двух словах, но путался в собственных впечатлениях. Они набегали одно на другое.

– Ну, Дань, с капитаном? – Притворно удивилась мать. Детские милые фантазии.

– Да. Он так сказал, что он – капитан Свен. Я попросился к нему на корабль.

– Так. А дальше? Ты ешь, Даня, не размахивай руками. Потом тогда расскажешь. Соловья баснями не кормят. Сил не будет. – Она сокрушалась, что сын ест, как воробушек. С первых минут жизни своего ребенка мать кормит его. И этот первый акт живет в ее сознании.

– Нет, мама. – Данька ел кашу и рассказывал. – Мы пришли на корабль, вошли в каюту капитана.

Даня решил не рассказывать о своем позоре. Просто он опустит некоторые излишние подробности, так даже великие рассказчики делают. Излишние подробности принижают блеск событий. Ни о том, как карабкался на борт корабля, ни о том, как упал на палубе, не стоит говорить. И о разговоре с капитаном. Особенно, про солонину. Кому нужны такие мелочи.

– Капитан взял меня на корабль юнгой. Корабль называется «Скиталец».

– Хорошее название для корабля. – Мария поставила чашку на стол, подперла подбородок рукой. Внимательно слушала.

– Только корабль этот принадлежит пиратам, – голос Даньки звучал так, словно он рассказывает страшную сказку на ночь. – И капитан Свен – пират.

– Господи, начитался всякой ерунды. Вот тебе и грезится.

– И корабль этот ходит под парусом. Там все корабли такие.

– Даня, ну где сейчас можно увидеть парусник? Господи, сидишь целыми днями у телевизора, смотришь всякую дрянь. Книги хорошие надо читать. Книга должна учить, заставлять задуматься. Не все, что переплетено и обернуто в корочку можно назвать книгой. Я говорю о том, что читаешь ты, – увещевала Мария Петровна сына. Взрослые разучились мечтать.

– Взял бы нормальную, серьезную книгу в руки, – продолжала она.

– Книги для сырых и убогих. И не умеющих читать. У меня настоящие книги, мама. Ну, что ты хочешь, что бы я читал?

– Антона Павловича Чехова. Федора Михайловича Достоевского.

– Что б я читал «Преступление и наказание»? Я тогда вообще не усну. Увижу во сне, как Раскольников с топориком бросается на старуху. На несчастную пожилую женщину. Кругом кровяца. Фредди Крюгер отдыхает.

– Даня, люди читают Достоевского, и никому подобное даже в голову не приходит. Почитай что-нибудь из школьной программы. В конце концов.

– Сейчас каникулы, – возмутился Даня. – Мама, эту тягомотину успею прочитать.

– Даня, что ты говоришь! Как ты можешь называть высокую литературу подобными словами!

– Я не то хотел сказать, – он пытался выкрутиться. – Я читаю серьезные книги.

– Какие серьезные книги ты читаешь?

– Мориса Метерлинка «Слепые» и «Синюю птицу».

– Так, – мать кивнула головой. Поднялась, что бы убрать посуду со стола.

– Томаса Манна, Генриха Манна, Леона Фейхтвангера «Иудейская война» Шарля Бодлера «Цветы зла».

Кукушка в ходиках сдохла. Пружинки не выдержали.

– Хорошо, – мать одобрительно кивнула головой, – хорошие стихи. И романы глубокие.

– Я почитал Шопенгауэра, Фридриха Ницше «Сумерки богов», Эммануила Канта «Критика чистого разума».

Откуда-то со стены раздался звук, похожий на стон. То ли стонал труп кукушки, то ли ее душа не смогла обрести покоя.

– Замечательно. Только не уверена, что в твоём возрасте ты способен понять такие сложные философские работы. Возможно, это полезно. Такие работы дисциплинируют ум. – Назидательно говорила мать. Потом спохватилась. – Мне же на работу пора.

– А можно я сегодня сайку куплю, настоящих шоколадных конфет и кофе? – Роскошно жить хочет каждый. Только роскошь бывает разной.

– Конечно, сынок. Где деньги, ты знаешь. – Мать сняла передник и повесила его на крючок в простенок за кухонной дверью.

– Я схожу в магазин с крыльцом. Там подешевле, – магазином с крыльцом они называли магазин, расположенный в полуторах кварталах от их дома. Он разместился в торце жилого здания, и к его входу вела высокая лестница.

– Да, да, сынок, – мать торопливо подошла к зеркалу, посмотрела на свое отражение и ушла.

Данька остался один. Жаль, что Макса нет в городе. Вместе они нашли бы, чем заняться. Данька тяжело вздохнул, но жизнь не останавливается. Помыл посуду и ушел в свою комнату.

Он не мог забыть тот сон. Тот удивительный сон, что явился к нему нынче. Он сравнивал пережитое с реальностью. Не мог понять, что для него было более реально: ночное видение или явь. Шкаф, письменный стол в его комнате или в каюте капитана. В каюте все было более реальным.

Ему запомнилось ощущение массивности мебели в каюте. Его стол и шкаф крошечные. Игрушечные. Не настоящие. Что бы избавиться от этих мыслей, он решил пройтись по улице, заодно зайти в магазин. Вышел на Тракторную. Любимая улица. Деревья шелестят листвой. Они беспризорники на этой улице, радуются каждому прохожему. Привычный ласковый мир. Мир его сна не был столь же спокойным. Сейчас он мог вспомнить, что, не смотря на первое впечатление прогулки по музею, так принял свое знакомство с городом у моря, вокруг жило какое-то напряжение. Настороженность. Кто-то или что-то следило за ним. И вдруг то же ощущение появилось в его душе здесь. Мания преследования. Глупо. Он в этом мире – муха, залетевшая в окно. Не жужжит, и ладно.

Разжужжался, – добродушно ворчит Сеятель-Жнец. – Многие вещи удобно не замечать. Мину, пока не рванула. Вулкан, пока не проснулся. За тобой приглядеть не помешает.

«Даня, читайте Чехова, – сказал он себе, – Детективы до добра не доведут. Антон Павлович доктор». Прогулка на свежем воздухе – то, что доктор прописал. Нервы лечить надо. Обтирание холодной водой, прогулки на свежем воздухе. Теплое молоко на ночь.

Невдалеке проехала большегрузная машина, добавив нотку пикантности к уже витавшей свежести городской улицы. Большегруз и легковые автомобили, проезжавшие по соседней улице, вызвали у Даньки чувство дискомфорта. А если на окружающий мир набросить вуаль воображения, попробовать перенести детали сна на все вокруг. Он заполнил мир тишиной, затем вписал в него стук колес по булыжной мостовой, говор прохожих иного мира. Добавил чуть слышную музыку. Даня переходил свою Тракторную улочку. Уложен новый ровный асфальт. Ребята устроили соревнование по скейтборду прямо на мостовой. Здесь редко ездили машины, вот они и катались. Установили трамплин. Один из пацанов разогнался, выехал на трамплин и летит по воздуху. «Мне бы так» – подумал Данька. Только у него, что греха таить, все закончилось бы иначе. Расквашенный нос и колени в кровь. Об асфальт – это совсем не то, что об борт корабля. Даня посмотрел на коленку. Немного припухла. С чего бы это? Стукнулся где-то и не заметил. Он вздохнул и пошел дальше. Прохожие казались ему забавными, одеты не так, как нужно. Он начал примерять на них, увиденное ночью. Вон подвыпивший мужичонка. Грязные мятые брюки. Рубаха, лихо расстегнутая на воротах. Покачивается. Вооб-

ражение Даньки мигом передело мужика. Холщевые штаны, рубаха на выпуск, волосы в беспорядке. Бомж из его сна. Там в Зурбагане. Двое молодых парней идут, разговаривают.

– Он так и не понял, баклан, что грант можно получить, если по теме лимит остался.

– Наивный, – согласился второй. – Но этого мало. Надо еще, что бы кто-то из распорядителей подсобил. Подмазать...

Воображение одело их в темные брюки, заправленные в сапоги, атласные рубахи, широкополые шляпы. На бок навесить шпаги. Так лучше. Баклан и лимит? Подмазать? Наивный человек не понял, что есть ограничения по средствам. О искренней благодарности опытным людям забыл. Так лучше звучит. Девчонка в брючках бежит, болтает по сотовому телефону. Сейчас и ей достанется. На голову шляпку с лентами, блузка в кружевах и вышивках, широкая пышная юбка до земли. Воображение пошло дальше. Она запнулась за длинный подол, не удержалась на ногах, падает. Сотовый телефон вылетает из ее руки и вдребезги об асфальт. Данька рассмеялся. Нет, в реальном мире жизнь совсем другая. Улыбаясь, он идет дальше, взглядом отыскивая, кого из прохожих можно принарядить. За спиной слышит крик, и голос вроде знакомый:

Кто-то из одноклассников, не успевших перекочевать в края иные.

– Эй. Эй! – Кричат где-то рядом.

Он обернулся. Но сзади никого нет. Пустынная улица. Показалось. Повернулся, что бы идти дальше. Прямо у ног открытый канализационный люк. Еще один шаг, и он оказался бы в этой яме.

– Не огородили, заразы. Так и ноги можно сломать. Это Алиса в Стране чудес оступилась и оказалась в кроличьей норке. В Зазеркалье попала. А он бы на больничную койку. В зазеркалье ему не надо. И так живет в зазеркалье. Вся страна – страна чудес. И кругом бегают эти... ну, чудики. И он сам – чудик. Глядеть под ноги надо, ворона! – Ругал он себя.

Добрался до перекрестка. Там, на той стороне улицы, был магазин с крыльцом. Осмотрелся. Где-то в отдалении слышался вой сирены. Скорая помощь спешит, – решил он. Далеко, за углом. Данька, как делал это всегда, дождался зеленого огонька светофора и шагнул на проезжую часть. Его внимание привлекли парень с девчонкой на той стороне улицы. Они стояли и отчаянно спорили. Девчонка даже ударила парня в грудь своим маленьким кулачком. Тот только обнял ее за плечи и прижал к себе. Девчонка склонила голову на плечо своего кавалера. Мирятся, улыбнулся Данька, глядя на них. Справа дикий визг автомобильных колес, вой сирены. Данька повернул голову на звук: огромный темный внедорожник летел прямо на него. Сзади полицейская машина под завывание сирены. Он не мог понять, откуда они появились. Все произошло так стремительно. Еще мгновение, и он окажется под колесами. Стоит и беспомощно смотрит на машину. Не успел испугаться, подумать о нелепости такой смерти, лишь недоумение на лице. Удар в спину решил все. От этого удара он полетел вперед, споткнулся о поребрик тротуара. Запнулся. Пробежал несколько шагов, пытаясь удержаться на ногах, а машины пронеслись за его спиной. Он ловил ртом воздух, пытаясь восстановить дыхание. Окружающий мир отошел на второй план. Склонился, опираясь руками на колени. Слева возле ноги громко тьякнула собака. Данька отпрыгнул в сторону, под ногу подвернулся камень. Резкая боль в лодыжке. Слезы выступили на глазах парня. Рядом с ним стояла белая болонка и с интересом наблюдала. Наклонила на бок голову, глаза, завешанные шерсткой, горят. Высунула розовый язычок. Я еще и кусаться умею, только не хочу. Мог бы и угостить вкусеньким. Не жадничай. К ним, шаркая ногами, спешила старушка:

– Дейзи! Дейзи. Не бойтесь, она не кусается. – Старушка держалась за поясницу, в руке поводок. Вывела любимую проказницу на прогулку.

Если бы Даня мог, он сам укусил сейчас эту Дейзи и заодно покусал хозяйку.

– Извините. Дейзи, пойдем, маленькая, – приговаривала старушка.

– Ничего, – произнес Данька и, осторожно ступая на правую ногу, заковылял к магазину.

Вошел в торговый зал. Хромая, прошел вдоль стеллажей с выложенным товаром. В проходах с трудом разойдутся два человека. Стеллаж с хлебом. Взял сайку. Мягкая. Положил в корзину. Преодолевая боль в ноге, двинулся дальше. Выбрал кулечек конфет. Посмотрел на ценник. Сойдет. Числом по более, ценою подешевле. Подошел к витрине с кофе. Долго выбрал. Вес побольше, цена – дешевле. Лучше знакомая марка. Пусть отдаленно напоминает этот напиток. «Нажарят соломы вперемежку с сухофруктами, – думает он, – и назовут кофе». Сложил все в корзину и – к кассе. Рассчитался за покупки, вышел. Держась за поручни, отчаянно хромая, слез вниз по лестнице. Добрался до перекрестка, внимательно посмотрел по сторонам. Выскакивать из-под колес очередного автомобиля не хотелось. Перебрался на другую сторону улицы и облегченно вздохнул. Теперь он надеялся, что судьба не поднесет очередной подарок. Он шел и ругал себя: Недотепа же он, нескладеха. Урод, каких мало. Даже дорогу перейти не может. И куда такого? Лучше бы его эта машина задавила! Никто плакать бы не стал. В этот горький момент он даже не подумал о маме. Во всем винил себя. Тебе невдомек, Даня, вселенная устроена сложнее. Каждая песчинка на своем месте.

Дома, где и стены помогают, в аптечке отыскал эластичный бинт, замотал ногу потуже. Перебрался на кухню. Решил приготовить ужин. Любое дело отвлекает от тягостных мыслей. Когда он разжигал газовую плиту, то, глядя на огонь, почувствовал себя развеселым туземцем, и если бы не больная нога, пустился бы в пляс. Веселый танец у костра. После протер пол. Все. С делами покончено. Он взял свою любимую книгу, которую еще не дочитал. Ему хотелось знать, как скромный, но очень обаятельный герой, на которого он, Данька, похож, ну, один к одному, одолеет Великое Зло. Он установил возле дивана стул. Удобно устроился на диване, а правую ногу, как величайшую драгоценность, водрузил на стул.

Открыл книгу на закладке и начал читать. По обыкновению, когда доходил до особо волнующего момента, прикрывал глаза, что бы четко представить картину. Но воображение уносило его не к событиям книги, а к образам ночного сновидения. Он видел корабль. Его паруса. Чувствовал свежесть морского ветра. Слегка качается палуба под ногами. Каюта капитана Свена. И сам капитан, отважный морской разбойник. Свен сидит за столом, смотрит на юнгу и улыбается. Даня трясет головой и возвращается к событиям романа.

Очередная захватывающая сцена. Юного Лесли изловили адепты зла. Крепко привязали его к креслу. Герой смотри в глаза смерти. Мистер Зло подносит ядовитую змею к щеке героя. Зло торжествует. Один миг и мрак смерти станет уделом Лесли. Змея разинула пасть, на ее зубах капли яда. Истинные герои не ведают страха смерти. Лесли презрительно плюнул в сторону гадюки, попал ей в пасть. Та захлебнулась. Зло отбросил мертвую гадюку с гневным криком, повернулся, выхватил факел и решил огнем сжечь своего врага. Злу стоило только на мгновение отвернуться от своей жертвы. Лесли – парень не промах. Он собрал последние силы и обеими ногами ударил Зло ниже спины. Мистер зло упал. В этот момент пришло спасение. Прекрасная Линда по веревке проникла в комнату, спрыгнула вниз, кинжалом разрезала оковы, державшие Лесли. Адепты зла вломились в комнату. Бежать, остается только бежать. Мы еще встретимся, мистер Зло. Данька прикрыл глаза. Но видит палубу «Скитальца». Хлопок паруса над головой. Даня открыл глаза, но хлопок повторялся снова и снова. Господи, это же в дверь стучат. Звонок опять не работает. Пришлось ковылять к двери.

– Кто там? – Спросил он. Любители детективов знают, за дверью таится опасность. Не открывай дверь кому не попадя. По подъездам бродят грабители. Группами. Маньяки с ножом. Эти в одиночку. Электрик, показания счетчика проверить. С электрошоком. Сосед: у вас газом пахнет. С группой сопровождения. Трое с пистолетами, четвертый с калашом.

– Это я. Я, Даня. – Соседка снизу. Бдительная. Зорче видеокamеры у подъезда.

Он узнал голос Нины Иосифовны, старушки с первого этажа, и открыл дверь.

– Здравствуй, Нина Иосифовна, – поприветствовал он соседку.

– Здравствуй, Даня. У вас, что звонок не работает? – Она с любопытством заглядывала в комнату. Общественность должна знать все.

– Батарейка, наверно, села. Он дистанционный, на батарееке. – Оправдывался Данька за чудо техники, что висело при входе.

– А Мария Петровна – то дома? – Продолжала заглядывать за плечо Даньки соседка.

– Нет, она на работе. Да вы проходите, проходите. Присаживайтесь. – Данька захромал в комнату.

Старушка прошла, села на стул, опершись на стол руками. Для нее, Данька был в этом уверен, не было секретом, что мать на работе. Старушка зорко следила за всем, что происходит во дворе через окно своей кухни.

– А что вы хотели, Нина Иосифовна? – Данька присел на диван.

– Так я смотрю, ты идешь, хромаешь. Думаю, чего с ногой? У меня мазь хорошая есть. Очень от ног помогает. Думаю, зайду, занесу. Только не сразу нашла. Память-то уже не та. Куда положила, не вспомню, а сейчас вспомнила. Помню, что убирала в хорошее место. На днях сама мазала. А куда положила, ни как не вспомню. Она хорошо помогает, немного холодит. Ты помажь – все как рукой снимет, – старушка протянула Даньке полтюбика мази. – Это гель. Мне аптекарша дала.

– Спасибо, Нина Иосифовна. А может, вам самой нужен будет? – Он не верил в чудодейственное средство аптекарши.

– Бери, бери. У меня еще есть. Я про запас брала. – Старушка замахала руками.

Нина Иосифовна хозяйка рачительная. В доме запас не переводится. По знанию цен в городских магазинах даст фору любой товарной бирже. Злобы и жадности в ней нет. Легко поделится и слухами и чем другим.

– Спасибо, Нина Иосифовна, – Данька принял целебную мазь.

– А мать – то когда, говоришь, придет? – Словно не знает. Ей в следственном комитете работать. Не знаю, мил человек, подскажи. Подозреваемый и проговорится.

– Она сегодня задержится, часов в девять подойдет. – То, мать пойдет в колледж подрабатывать от меня не узнаешь.

– Ты ей подскажи, что бы ко мне зашла. Мне с ней поговорить надо. – Нина Иосифовна поджала губы. Где задержится мать интересно, но сразу не узнать.

– Хорошо, Нина Иосифовна. А что случилось? – Не с кем обсудить сто двадцатый рецепт варки яиц вкрутую.

– Да, ничего не случилось. Мой то, Колька... Ну, внучек. Притащил шкатулку. Это он от второй бабки, от Таисии, привез. Той вечно что-то нужно. Вечно выдумает. Придумала, что ей надо завещание написать. Другого дела нет. Что спрашивается, завещать? Ее домишко, сарай, да баню? Так нет, все хочет по-новому. А кому завещать? У нее и наследников-то, дочка одна. За моего сыночка, за дурня, вышла. Кольку-то родила. Сама Таисия живет со своим стариком. У нее будто наследников полмира. Ей и завещать больше некому. Она неугомонная. Удумала на днях, что в политику пошла.

– Это как? – Поинтересовался Данька. – В какую политику?

– Ты ее спроси, спроси, оглашенную. Придумала, у них там яму выкопали. Она в Ольховке живет. Ну, яма на дороге. Не засыпают. Людям, может некогда. Не засыпят никак. Обойти стороной можно. Так она в местную Думу писать наладилась. Ходит туда. С депутатами общается. Обсуждают, значит. Запрос, говорит, направила. Нам жить-то сколько осталось? На погост пора. Мне и врач в поликлинике сказал: прогулы тебе бабка, на кладбище ставят. Не ко врачу, а к священнику, иди последнее причастие принимать. Ее, Таисию, на кладбище закопай, так и там найдет. Писать станет, на дорожках ночью фонари горят, так ей в гробе лежать плохо. В глаза светит. Вон у меня фонарь у подъезда, свет прямо в спальную. Колька

пришел, я ему и велела шторы плотные повесить. Не в Думу же бежать. Теперь вечером шторы задерну и спать можно.

– Нина Иосифовна, вы у нас из самых сложных ситуаций выход найдете, – хвалил Даня бабулю. Знал, что той будет приятно.

– Ладно, – старушка аж порозовела от удовольствия. – Заболталась, побегу.

Старушка заковыляла к выходу, а Данька за ней. Прихрамывая. Прыткие оба.

– Ты, Даня, мазью помажь, полегчает, – наставляла Нина Иосифовна.

Даня запер за соседкой дверь.

«А и впрямь заговорила, – подумал он. – Начала про шкатулку, а что с этой шкатулкой, сказать забыла».

И уж вечер пришел. За окном пролил слезу летний дождь. В форточку залетал ветерок, принося Даньке вести с дальних морских берегов. Болела нога. Когда мать вернулась домой, Данька первым делом сказал:

– Мама, тебя Нина Иосифовна хотела видеть. У нее что-то там со шкатулкой.

– Даня, видела она меня. Из окна углядела. Я в подъезд захожу, а она уже на площадке стоит.

– А что там со шкатулкой, выяснили? – Данька встал и захромал на кухню.

– Осмотрела ее сокровище. Такие до войны делали. Ширпотреб. Если и имеет, какую ценность, то только семейную. С ногой что случилось? Хромаешь.

– На камень наступил неудачно. Подвернул. Пройдет. Пойдем, мама на камбуз. Я тебя покормлю. Я сегодня и палубу в квартире драил.

– Ой, Даня, все играешься. – Моряком себя возомнил. Пират. Так сейчас, разве что, бродячего ободранного кота называют.

– Ну, мам... – затынул Даня.

– Я что? – Мать усмехнулась. – В колледже я тоже палубу драила?

– Мама, так же интереснее. – Добавьте новизны в пыль повседневности. Заискрятся золотые мои россыпи. Заиграют радуги на небе.

– Хорошо, сынок, – мать принялась раскладывать в тарелки ужин. Помощник растет.

Какой же он у нее ребенок. Совсем маленький ее мальчик. Пусть поиграет, пока детство не закончилось. Мужчины остаются детьми до седых волос. Пусть еще поиграет и помечтает.

Когда Данька позже вечером сидел возле телевизора, мать подошла, села рядом на стул. Обычный вечер в уютном доме. И тянется череда этих дней. Сегодня она задержалась. Мыла полы в колледже. Единственное событие дня.

Наслаждайся, Мария Петровна, спокойствием вечеров. У судьбы свои планы.

– Я нынче немного устала. – Мария легко коснулась рукой плеча сына. – Очевидно, с непривычки. Втянусь, будет легче. Пойду, отдохну.

Она встала. Сон обнял ее за плечи, что бы проводить до постели.

– Да, мама, конечно. – Тяжело ей. Он ее единственная помощь.

– Ты тоже, дорогой, у телевизора не засиживайся, – говорила она, уходя. – Отдохни. И под ногу подложи что-нибудь. Хромаешь. К врачу надо сходить.

– Нет, обойдется, мама. – Мария не слышала ответ сына, иначе настояла на походе в больницу.

Когда закончилась очередная серия, Данька выключил телевизор и пошел спать. Разделся, лег, натянул на себя одеяло. Посмотрел на тумбочку, где сидел его плюшевый медведь.

– Мишенька, – улыбнулся он игрушке своего детства, – Я теперь юнга. На «Скитальце». И у меня капитан Свен. Отличный капитан. И мы – пираты.

Плюшевая игрушка мигнула своими глазами-пуговками. Или это только показалось. Какие мысли пронеслись в набитой опилками голове игрушки. Не угадать.

«Жаль, – думал Даня, – что сны – это не сериалы и не имеют продолжения! А вот придумали бы такой аппарат: понравился сон – нажал кнопку и на следующую ночь видишь продолжение. Но такого, косолапый, не бывает».

Данька закрыл глаза. И явился сон. Даня в эту ночь не вспомнил о настольной лампе. Страх перед тьмой ушел.

– Дэн! Юнга Дэн! – Услышал он сквозь сон грозный голос капитана.

Данька вскочил с постели. Широко распахнутыми глазами осмотрел все вокруг. Каюта, здоровенные шкафы, диван, письменный стол, резные кресла. За спиной не кровать, а кованый сундук. Посреди каюты стоял Свен. В гневе. Тело юнги немного болело от неудобного ложа. Он спал на сундуке.

– Долго собрался спать, юнга? – Сталь в голосе. Взгляд леденит сердце. Проклятие семи морей, извечное зло сейчас набросится на Лесли. То есть на него, Данечку. В образе капитана.

– Нет, дяденька капитан, – пышные ресницы двумя беспокойными крылами бились на лице Данечки. Пальцы рук вздрагивали. Крепись, Даня. Сон разума порождает кошмары. Твои не самые ужасные.

– Живо умывайся и марш на камбуз за завтраком, – гнев Свена стих. Он отошел к столу и сел. С некоторой долей любопытства наблюдал за юнгой.

Темные глаза. Ему бы розовый язычок высунуть. Как та болонка. Люди похожи на собак, или собаки на людей? – Подметил Даня.

Данька пытался сообразить, где на этом лайнере ванная комната. Где здесь умываются?

Капитан кивком головы указал в угол каюты, где стояла тумба. На ней таз и кувшин с водой. Данька подошел к этому приспособлению для умывания. Как с этим справиться? Капитан встал рядом, взял кувшин, что бы полить на руки юнге. Данька умылся. Свен протянул ему полотенце. Не махровое, как он привык, но из приятной ткани.

– Живей, юнга! – Вновь приказал капитан.

Быстро вытерев лицо и руки, Даня бросился на камбуз. Он так спешил, не заметил, что попало под ноги. Запнулся, и чуть было не упал. Матросы, видевшие это, смеялись. Данька шел дальше и ворчал:

– Ну, и пусть. Что теперь. Запнулся. Разбрасывают, черт знает что под ноги. Капитан оголодал. На камбуз, живо. – Только сейчас он сообразил: сон продолжается. Нога у него не болит. Такое только в кино увидишь. Значит, сны тоже бывают с продолжением, как сериалы. И это всего лишь сон, и не стоит кукситься по пустякам. Он забрал на камбузе корзинку с завтраком и поспешил к своему капитану. После завтрака капитан объявил:

– Займемся делом, юнга. Будешь учиться фехтовать. Владеть шпагой следует в совершенстве. Это единственный друг пирата.

Капитан протянул шпагу. Данька взял ее. Она показалась ему тяжелой. Он зажал рукоять в руке. Смотрел на шпагу и не знал, что с ней делать дальше. Капитан встал рядом, держа в руке шпагу.

– Вот так, Дэн. Смотри. Сначала надо размять кисть. – В руке Свена шпага выглядит легкой. Клинок рисует круг, затем какие-то фигуры. Играет с тонкой веточкой.

Капитан вращал кистью руки, и клинок вращался следом. Данька пытался повторить эти движения, но оружие болталось в руке, стремилась выскользнуть. Дровосек рядом с мастером шпаги.

– Вот так, Дэн. Еще. Разминай кисть. – Терпеливо показывал капитан. Поправил положение пальцев Даньки на рукояти. Изменил положение руки.

– Не напрягай плечо. Расслабь тело. Оно само должно почувствовать свою силу. – Капитан снова показывал, как должен стоять боец.

У Даньки, так ему казалось, что-то стало получаться. Сердце радостно билось в груди.

– Теперь смотри, как держать ноги. Вот так ставь корпус, – Свен показывал своему ученику каждое движение.

Данька старался изо всех сил. Давались упражнения с трудом. А капитан перешел к новому приему. Теперь Свен стоял со шпагой в руке перед юнгой.

– Пробуем удар, – шпага капитана легко звякнула по клинку Дэна. Из рук Даньки шпага выпорхнула с позорным звоном. На глаза парня набежали слезы отчаяния и стыда. Минуту назад ему казалось, что он справится с этими упражнениями. И вот!

«Бестолковый. Недотепа. Удохлик! Руки-крюки. Пахорукий» – яростным криком билось в голове мальчишки. – «Тебя надо выбросить на корм рыбам».

Руки его опустились. Он тихо произнес, отзываясь на свои мысли:

– Даже они меня есть не будут. – Стоял напротив Свена с поникшей головой.

– Кто? – Не понял капитан.

– Рыбы.

– Почему? – Улыбался Свен.

– Побрезгуют, – Данька насупился, словно обижался, что рыбы не захотят его съесть.

Кажется, капитан понял и громко засмеялся.

– Придется тренироваться, Дэн. Иначе нечем будет кормить акул. Подними шпагу и за дело. Никому не давай увидеть свою слабость. И, прежде всего самому себе. Минуты слабости бывают у всех.

– И у вас, капитан? – Дэн был удивлен. Капитан пиратов и слабость? Это чушь собачья.

Свен покачал головой и криво усмехнулся:

– Еще какие! Я самый слабый и трусливый в этих водах, – лицо капитана изображало раскаяние. Печальная истина.

– Врешь, – надулся Даня. А потом рассмеялся. – Вы самый храбрый на всех морях, потому так и говорите. Угадал?

– Не знаю, – капитан хитро подмигнул, – Ты только никому не говори. Парни смеяться будут.

В глазах Даньки заиграл веселый смех. Он поднял шпагу, принял стойку:

– Защищайтесь, капитан! – Он, Данька, не раз бился с самим Великим Злом, будучи скромным героем Лесли. Выступить против веселого капитана – дело пустяковое. И они сходились в поединке раз за разом. Шпага выскальзывала из рук Даньки, он поднимал ее и вновь бросался в бой. Счастливый момент – юнге удалось не выронить шпагу.

*А ты моряк, моряк Данька,
Матросы слез не льют
Ты против волн встань-ка,
И ветры славу пропоют.*

– Можешь отдохнуть, Дэн, – сказал капитан. – Я сменю старпома у штурвала.

Свен вышел из каюты. Данька почувствовал слабость во всем теле. Пот заливал глаза. Он почти дополз до сундука. Присел. В азарте тренировки он не почувствовал усталости. Сражаться с таким учителем одно удовольствие. Мозг требовал: еще. Но тело предало его.

– Родненький, вот ты где, – шептал он этому огромному чудовищу, теперь самому близкому в мире. В руках и ногах появилась предательская дрожь.

– Никому не показывай слабость, даже себе. И ты, милый сундучишко, не увидишь меня слабым.

Даня, Даня. Обещать просто, а выполнить... Минуты слабости бывают у всех. Может, и капитан Свен плачет под покровом ночной темноты.

*Сколько слез под покровом полночи
Проливают людские сердца.
Их скрывает ухмылка горечи
На печальных устах храбреца.*

Юнге хотелось пить. В горле пересохло. Он обвел взглядом каюту, но не нашел ничего, что хоть издали походило на источник прохладной воды. Только кувшин возле таза для умывания. Доплелся до него. Припал губами к его краю. Пил, пил и снова пил. Обессиленными руками вернул кувшин на тумбу. Добрел до сундука, упал на его крышку, закрыл глаза. Тревожная дрема сковала тело. Данька видел перед собой фигуру. Темную, безликую.

– Ноги. Ноги, юнга. Это не ходули, – слышался голос капитана. – Не зажимай шпагу. Держи свободнее.

Данька вновь и вновь сражался с этой темной фигурой. Силы были не равными. Мастерство противника было огромным. Темная фигура остановилась. Теперь уже незнакомый голос этого воина звучал в ушах.

– Не плохо, мальчик. Из тебя будет толк, – легкий ободряющий смех.

От этого смеха Данька проснулся.

Ему не дано было увидеть озорной блеск в глазах Сеятеля-Жнеца. Сама безбрежность Миров проводила мастер-класс фехтования. Прими дар богов, мальчишка. Оруженосец вселенной.

После обеда Дэн с капитаном вышли на палубу. Кругом море. Синее с зеленоватым отливом. Яркий свет бьет в глаза. Запах соленой воды. Ветер играет твоими волосами. Паруса наполнены упругим ветром. Даньке захотелось побежать по палубе. Прыгать, кружиться. Орать во все горло, но он постеснялся капитана и парней на палубе.

Свен поставил пустую бутылку в качестве мишени. Показал, как заряжать пистолет. Подал его Даньке. Юнга разглядывал резную ручку пистолета, накладные медные пластины на нем.

– Прицелься и стреляй, – капитан указал в сторону мишени.

Пистолет был тяжелый. Дэн пытался прицелиться. Капитан стоял сзади.

– Не зажимай пистолет, – говорил он. – Легко держи.

Капитан поддержал кисть руки Дэна. Помог навести его.

– Теперь плавно нажимай на спуск.

Данька нажал. Раздался грохот. В ушах звенело. Руку отбросила отдача оружия. Пуля прошла мимо. Даня посмотрел по сторонам. Сейчас все будут кричать: мазила.

– Заряди пистолет и попробуй снова, – предложил Свен.

Попытка. Еще попытка. Пороховой дым.

– Этот с двух шагов в кита не попадет. – усмеваются матросы, поглядывая в сторону юнги.

– Попадет, если кит будет порасторопнее и сам под пулю бросится, – слышалось из-за спины.

Юнга широко расставил ноги. Корабль качался на волнах, целиться трудно. Когда Данька в очередной раз плавно нажимал на курок, кто-то подогнал не большую волну к борту «Скитальца». Легкий плеск воды, грохот выстрела. Палуба слегка качнулась. Бутылка разлетелась на осколки. Пуля нашла цель.

– Не плохо, юнга, – сказал капитан, – закрепи успех.

Жнец-Сеятель обиделся.

– Я не нанимая корабль раскачивать. Не царское это дело. Вы как-нибудь сами.

Данька зарядил пистолет. Прицелился. Облизал пересохшие губы. Выстрелил. Звон бутылочного стекла.

– Молодец! – Крикнул капитан. – Получается.

– Всегда знал, что смертные – хамы. Победа – их заслуга. Неудача, беда – виной тому боги. А пошли вы... – Сеятель сплюнул в сердцах.

Не гоже, Древний, в твоём возрасте и при положении. Словно грузчик в порту.

Не зуди. Положение не только обязывает, но и позволяет. Сами говорите, с кем поведешься, от того и наберешься. Ты мою историю знаешь. Вот и понахвтался, как собака блох. стакан водки бы намахнуть. Кус сала с ржаным хлебом. Огурчик солёный. Может, матушка Вселенная плеснет.

Знаете ли... Древний, а туда же.

К вечеру юнга мечтал только о радостной встрече с сундуком. Добраться бы, доползти! Обнять жесткую крышку, распластать по ней измученное тело.

– Крышечка, мяконькая, – стонала душа Дэна.

Вот до нее три шага. Два. Вот руки обняли поверхность сундука. Нога скоблит по боковой стенке. Тело падает на прикрытую тряпицей поверхность. О, наслаждение сна, объятья легкие Морфея.

Утром Данька проснулся сам. Он, еще лежа в постели, осмотрел комнату. Все как обычно. Шкаф, тумбочка, стол. На тумбочке сидит любимый плюшевый мишка. Даня сел на постель. Боль. Боль во всем теле. Мышцы болят. Ноги. Руки. Поясница. Особенно болит кисть правой руки. Что бы подняться на ноги, нужно собрать всю силу воли. Он прекрасно помнит все, что привиделось ему этой ночью. Данька помассировал кисть правой руки.

– Больно-то как, – ворчал он. – Откуда такая боль?

Он сходит с ума? Он такой впечатлительный? Сон прокрался не только в его память, но и в мышцы. Может он – шизик? Прав Максим.

Данька где-то читал, что бывают очень впечатлительные люди. Случается такое с людьми сильно верующими. Стигматы веры? Под впечатлением Святого писания у таких людей возникают следы похожие на раны. Раны от гвоздей, которыми распинали Христа. Но боль в мышцах. Только от увиденного. Посмотрел, как люди вагоны разгружают – получи радикулит. Он ни во что не верит с такой силой. А во что можно верить в его снах? В «Скиталец»? Ерунда. В капитана Свена? Не смешите! Святой пират?! Вот шиза!! Да с этим можно прямо ехать в психбольницу и просить у врачей смирительную рубашку.

– Дяденька доктор, мне на прокат, на недельку другую смирительную рубашку. От Версачи, пожалуйста. Я бы у вас тут отдельную палату... С дюжими санитарями. Секюрити при VIP-персоне. Вяжите меня, а то убегу! Крыша едет не спеша, тихо шифером шурша. Может попробовать стукнуть молотком по коленке? Эй! Только не это! И так все болит. Живого места на себе не чувствую.

Даня встал. Превозмогая боль, оделся. Пошел, умылся и заковылял на кухню. Правая рука с трудом держала чашку. Мария Петровна заметила, что сын морщится от боли при каждом движении:

– Даня, что с тобой? Что у тебя болит? – Неужели, пронеслось в ее голове, заболел.

– Я вчера занимался физкультурой. Тройку хочу исправить. – Подходящее объяснение. Он не мог понять случившегося, не знал, как рассказать другим.

– Это хорошо, сынок. Но сразу интенсивные занятия не на пользу. Спортсмены после травм, перерывов в занятиях в форму входят постепенно. Так как ты – нельзя.

– Я стул поднимал за ножку, – врал Данька. – Вначале одной рукой, потом другой. Теперь все болит.

– Даня, – мать укоризненно качала головой, – постарайся так больше не делать. Так ты двойку получишь.

– Да, мама, – соглашался Даня.

Мать ушла на работу. Подсознательный страх заползал в душу. Такого не бывает. Выдумки. Читать эти бредни интересно, а участвовать в этом дурдоме не хотелось. Пусть дру-

гим счастливицам останется. По физике у него пять. В учебниках такого бреда нет. Он исчезает здесь, обращается в нуль, но при умножении на бесконечность появляется в другом мире, как единица в его задачке на лето. Маразм крепчал! Макс точно поставил диагноз. Но может, есть лекарство? Принять таблетку аспирина? Капли пустырника. Может у Нины Иосифовны есть. У нее в запасе много всего. Нет! Она всему городу расскажет:

– Сынок Марии Петровны с ума сошел. Хороший мальчик был. Ученье не пошло в прок. Голову перетрудил.

Данька решил, что клин выбивают клином. Одолеем ломоту в теле, возьмемся за остальное. Если заняться физическим трудом, размять мышцы, то... Он пытался пару раз поднять табуретку. Вскоре решил:

– Брошу это грязное дело. Передохну.

Весь день мучился болью в мышцах. Когда шел в соседний магазин, все болело. Шел, словно столетний старик. Идти в магазин с крыльцом не решился. Дело не только в боли. Он с ужасом вспоминал, как переходил там улицу вчера. А вдруг еще, какой лихач вывернет. Сейчас у него не хватит сил, что б отпрыгнуть.

Вернулся домой. Едва-едва протер пол. Прилег на диван и задремал.

В комнату вошел высокий молодой человек на костыле. Распахнутый белый халат. Остановился напротив дивана, где дремал парнишка. Недовольно проговорил: – Я, по-твоему, шиза? Ни какого почтения. Совсем страх потеряли. У одного опиум для народа, у другого – шиза. Кастеляном я работаю в госпитале, в хирургии. Психи в другом корпусе. Вам бабу с косой подавай. Мужик я. Мужик с костылем. Накостылять бы вам. Мал ты еще. Умом не дорос. А про нуль и бесконечность, – кастелян рассмеялся. – Правильной дорогой идете, товарищи.

Опираясь на костыль, молодой человек вышел из комнаты, проговорив:

– Отдыхай. У нас еще много работы. Силы тебе пригодятся.

Даня не слышал, как мать вернулась домой. Мария Петровна вошла в квартиру, тихо подошла к сыну, прислушиваясь к его ровному дыханию. Она легонько коснулась плеча сына. Данька проснулся, открыл глаза:

– Мама, ты вернулась, – обрадовался он, как любой ребенок радуется приходу мамы.

– Да, Даня. Уже вечер. Как ты себя чувствуешь? – Еще расхворается ее птенчик. С виду большой. Будто вчера качала его на руках.

Данька встал, попробовал двинуть рукой... Ногой... Боль почти прошла.

– Вроде, нормально.

Не каждому доводится спать в колыбели вселенной. Вселенных. Слышать музыку сфер – это одно. Совсем другое – Все-Ничто оберегает твой сон.

– Видишь, я говорила: надо отдохнуть, – порадовалась за сына Мария Петровна.

– Пойдем, мама, я ужин приготовил.

И только седая ночь... Сон, ничтожный раб Сеятеля-Жнеца, того, что идет по свету, опираясь на костыль, опускается на землю, боясь потревожить сон Даньки, берет его как грудного ребенка и переносит из одного из миров другой.

Теперь у юнги началась череда дней и ночей. А может, ночей и дней. Каждую ночь он видел продолжение сна. Только сна ли? Сон? Ой, не сон. Данька догадывался, но не решался это признать. Упорно отгонял эту мысль. Если были сбои с головой, то – параноидальное отрицание фактов.

Тренировки стали для него обычным делом. Он появлялся то в одном мире, то в другом. Сейчас его заботило больше другое. Когда он выходил на палубу, матросы смотрели неприступно. Если он подходил к парням, которые болтали между собой, те замолкали и смотрели в его сторону почти враждебно. Каждый взгляд говорил: не пошел бы ты куда подальше. Он отходил в сторону. Чувствовал среди этих ребят себя лишним. Обида жгла его. Хотелось крик-

нуть: « В чем я виноват?!» Его отшвырнули, словно старую ненужную галошу. Было обидно, но приходилось с этим мириться.

Нынче утром капитан сказал:

– Мне некогда сейчас с тобой заниматься. Приведи в порядок каюту.

Свен ушел. Дэн поискал в каюте тряпки и ведро. Шкафы и сундук – место не подходящее для ведра. Где же ты, дорогая пропажа? В каюте нет. Выползая на палубу, ворчал: вот и шарь тут по сусекам. Заглядывал под лестницы, совал голову в узкие щели, надеясь найти следы этого сосуда. Ведро играло в прятки. Даня вспомнил старинную присказку. Бродил по палубе и бормотал: черт, черт, поиграй и отдай.

Брайан был свободен. Небольшая передышка. Он не торопясь шел с бака на шкафут. Парни уже откачали воду из трюма, и грязные ручейки стекали по палубе к шпигатам и дальше за борт. Брайан корабельный плотник, чип. Среди парней с бака он – белая кость. Обычно чип кроме мастерства должен иметь немалый опыт моряка. Лет пять ходить под парусом. Такого стажа у него не было, но руки были золотыми. За это капитан Свен и назначил его корабельным плотником. Мастерством матроса он овладел быстро. Именоваться морским псом Брайан не мог, но давно не путал все эти названия. Легко различал каждую из более чем двухсот пятидесяти ручных талей. Топенанты, брасы, гордени, шкотовые. Без этого матросу не обойтись. Особенно в шторм. Тут некогда думать над названием, вопрос о жизни. Сол был вахтенным правого борта. Эта вахта отвечает за бизань мачту и грот мачту. Поэтому болтался сейчас на шкафуте возле грот мачты. Особых событий на «Скитальце» не было, поэтому новый юнга был притчей во языцех. Непременно обсуждали.

– Где прячется этот желторотый, Брайан? В каюте отсиживается. – Сол отличался неуживчивым характером. Заслужить доброе слово от него мог не каждый. Сол, коренастый подвижный парень, отличный боец. На борту драк не случалось. Свою вспыльчивость он проявлял во время абордажных схваток, да в стычках на берегу.

– Морские ноги отрастают не сразу. Может и ты стал матросом не за один день. Освоится. – Брайан отбросил со лба прядь своих огненно-рыжих волос и усмехнулся.

– Шкерт, от работы отлынивает. – Сол презрительно сплюнул. Засунул руки в карманы штанов, презрительно кивнул головой. Он своего мнения не изменит, парень никуда не годится.

– Свен сделает из него матроса, капитан свое слово держит. – Брайан пытался успокоить забияку. Этот парень может сделать жизнь юнги невыносимой.

– Если парнишка выживет. Капитан гоняет заморыша во всю. Сдохнет, до берега не дотянет. – Отенок сожаления послышался в голосе Сола. При всей своей неуживчивости, он не был жестоким человеком.

– Думаю, каболкам рано шить для парня последнюю рубашку. – Каболками называли матросов, шьющих паруса. Эти парни считались хитрыми и ненадежными. Из остатков парусины они шили для команды одежду, но они же зашивали покойников в парусину. Это создавало не самое хорошее мнение о них. Морские гробовщики.

– Как знать. – Сол прищурил темно-синие глаза, вздохнул. Лениво пошел дальше.

Где тут хранят ведра? Все попрытали. Никакого порядка на корабле. Попользовался вещью – положи на место. Данька ворчал себе под нос. Заглядывал во все места, где могли спрятаться от него ведра. Повторял: черт, черт, поиграй, да отдай!

Рыжий черт сам выскочил на него. Рыжий черт был без хвоста, высокий сажень в плечах, голубые глаза. Улыбается:

– Ты что ищешь, юнга? – Пахло от него не серой, а потом и просолившей кожей.

– Я ведро ишу, – рога у черта, полагал Дэн, спрятаны в густой рыжей охапке волос.

– Зачем? – усмехнулся матрос, чертовски красивый.

– Капитан велел в каюте сделать, – Даня замялся, пытаюсь сообразить, как объяснится по морскому, по пиратски, – влажную драйку.

Объяснил понятно. Настоящий матрос поймет. Это раскарякам на суше объяснять. Но мы другое дело. Даня считал себя настоящим морским волком.

– Кого? – Не понял парень. В аду влажную драйку не проводили сотни лет.

Как после это объяснить служителю ада, что ведро – это сковорода с очень высокими краями? Палубу точно драят. А каюту?

– Сделать влажную драйку, ну... уборку. – Данька растерялся.

Парень озорно смеялся:

– Так бы и сказал. Пойдем. – Он пошел вперед. Даня за ним.

– Тебя как зовут? – По дороге спросил матрос, не оборачиваясь.

– Дэн. А тебя? – Такого должны называть, как-то особо значимо. Беел Зебуб, в переводе, повелитель мух, у христиан Вельзевул. Важная в аду шишка. Другого парня в пекло не pošлют. Точнее, к нему, Дане, другого не pošлют.

Парень остановился, взглянул на Дэна немного свысока:

– Джереми О`Тул. Брайан Джереми О`Тул, корабельный плотник и матрос.

– Очень приятно, – промямлил Даня, но ответа не получил. Гордый дьявол.

Ведро нашлось быстро. Данька, был уверен, что сюда он заглядывал раньше. У ведер на корабле есть ноги. Или они сами перекатываются при крене палубы. И опытный матрос Брайан знает (ой, уж это, черт его знает!) куда укатилось ведро.

Дэн взял из рук плотника ведро и спросил:

– А где здесь воду набирают? – Куда они кран прикрутили, если кто и знает, то черт.

Голубые зрачки парня расширились, словно спросили его о таинствах святой церкви. Он помедлил и сказал:

– Смотри. – И посвятил Даню в обряд зачерпывания морской воды.

Брайан привязал веревку, скрепленную с ведром, к поручням, закинул ведро за борт. Вытащил. При этом показывал, что надо делать:

– Вот так привяжешь. Такой узел. Бросаешь, смотри как. Тащим. Вот так это делают. Ведро надо привязывать. Его может вырвать из рук. Тогда боцман Брин тебя выбросит следом. Будешь нырять, пока ведро не найдешь. – Матрос подмигнул.

– Спасибо, – Дэн благодарно кивнул новому знакомому.

Юнга с ведром пошел в каюту. Брайан смотрел вслед и улыбался. Негромко сказал:

– Какой же ты доходяга. Долго ты не протянешь. Капитан обещал из тебя настоящего матроса сделать. Капитан может все. Может и сделает из тебя матроса, если ты раньше не помрешь.

Дэн был еще не далеко. Не оборачиваясь, откликнулся:

– Я не помру! Не дождетесь, – и засмеялся.

– Хорошо. Иди, делай свою драйку. – Брайан повернулся и пошел по своим делам.

Данька прибрал в каюте. Протер пыль на столе, на шкафах. Обтер сундук. Закончил и пошел вылить воду за борт. Тут он вновь столкнулся с Брайаном.

– Что, юнга, закончил? – Ухмыляется. Босые ноги широко расставлены. Сильные крупные руки. Рубашка расстегнута, повязана на поясе. Данька рядом с ним хрупкое деревце возле могучего ствола.

– Закончил, – дело привычное. Мать бы его похвалила. Ни одного угла не обошел вниманием. Есть, чем гордиться.

– Может, нам теперь поможешь? Или это не по тебе? – Испытующе смотрит на юнгу корабельный плотник. Ждет, парень откажется. Крохотные ручонки побоится испачкать.

– Помогу, – согласился Дэн. Он сообразил: ребята презирают его, думая, что он отлынивает от общей работы. Скорее всего, это так.

– Зачерпни воду, – приказал Брайан. В глазах веселые искорки. До чего забавны те, кто выходят в море первый раз. Этот особенно.

Дэн вытянул полное ведро воды.

– Лей на палубу, – позабавь народ. Отступил в сторону.

Дэн опрокинул ведро под ноги. Она разлилась с брызгами. Данька стоял посреди лужи.

– Кто так делает! – Крикнул матрос. – Хорошо, что у тебя нормальные матросские штаны, а то бы вымок. В таких удобно палубу драить. Показываю.

Данька покраснел, глядя на свои брюки. Потом понял, его почти похвалили.

Джереми тоже вытащил ведро воды, и всю воду выплеснул далеко впереди себя.

– Надо окатить, как можно больше. Понятно? – Всему их учить надо. Наука не хитрая, освоит.

– Понятно. – Драить палубу – это тебе не пол мыть в квартире.

– Так действуй. – Брайан бросил взгляд на других матросов. Пусть знают, кто главный нбаставник мальчишки.

Дэн присоединился к другим ребятам. Старался повторять их действия, но получалось не ахти как. Парни посмеивались. Потом один из матросов подошел. Можно и помочь.

– Смотри и учись, юнга.

Он показывал, как правильно работать. Дэн старался.

– Получается. Получатся, – радовался он. Ему нравилось работать. Вместе с другими.

Брайан по-королевски, словно знакомил общество с новым рыцарем, представил:

– Юнгу зовут Дэн.

– Понятно.

– Хорошо, – откликнулись с разных сторон

Когда с палубой было покончено, матросы обступили новичка. Улыбались. Говорили без злости и насмешек:

– А из него может, что и поучится. – Благосклонный кивок головы.

– Нет. Хилый. До земли не доживет. – Сокрушается другой.

– Жаль. Придется в море хоронить. – Согласился еще один матрос. Просто отметил печальный факт.

– А может, дотянет. Помается и ближе к берегу помрет. – Нашел выход следующий. Умрет, но не сразу. И тотчас вселил бодрость в юнгу. – Мы тогда тебя, парень, в землю по-христианскому обряду закопаем. Не тужи, место отличное подберем.

Заботливые ребята. Дэн понял, говорят они это не со зла. Наоборот, всячески ободряют, как умеют. Здесь царило иное отношение к смерти и покойникам. Все померем, разница в том, где похоронят.

– Спасибо, парни, – искренне благодарил Дэн. – Я поднатужусь, чтоб вам хлопот не доставить. Поживу немного.

Возражать никто не стал. Сомневались, но чем черт не шутит.

– Сильно занедужишь, ты Брайану скажи. Он и подлечить может и при нужде на земле гроб выстругает.

Какое сходство миров. Гроб и тот по знакомству.

«А ребята здесь отличные, – думал Дэн, – и в последний путь проводят с миром».

Парень, который показывал ему, как работать, протянул руку.

– Я Сол.

Данька пожал эту сильную руку.

– Я Сайрус.

Матросы жали ему руку, называли свои имена и расходились. Все разбрелись, а Дэн вприпрыжку поспешил в каюту капитана. Данька был счастлив. Его признали своим.

В каюте его ждал Свен. Тренировки продолжались. Теперь, появились новые дела, он занимался обычной матросской работой. Надо было учиться лазить на мачту. На самый верх. Бегать по реям, ставить паруса. А сколько новых названий! Корзина наверху – воронье гнездо. Верхняя часть мачты – стеньга. Брам стеньга, марсель стеньга. Боковой парус – лисель, промежуточный парус – стаксель. Голова идет кругом. А высота? У Даньки она вызывала страх, до дрожи в коленях, до слабости в руках. Лезешь вверх, а под ногами бездна. Корабль качается на волнах, и мачта вместе с ним. Сорвешься – и упадешь в воду или на палубу. Ты не акробат в цирке, ты – матрос. Страхочного каната не положено. На уроке физкультуры сорвешься с каната, упадешь на мат. Не страшно. Жизнь матроса не имеет цены. Ничего не стоит. Плакать о тебе некому. Одно неверное движение и жизнь прошла. Это твои проблемы. Даньке хотелось прижаться к мачте, обхватить ее руками и ногами. Приникнуть к мачте словно медвежонок-ленивец. Висеть и не двигаться. Обхватить лапками ствол – не оторвешь. А матросы бегали по реям, не чувствуя страха. Дэн переступал ногами по тонкой рее, цеплялся руками за все, что попадалось. Подбежал Брайан:

– Ты, Дэн, вниз не смотри. Не так страшно будет. Привыкай. Это наша работа. Смотри вдаль, на море, на снасти смотри. И пусть мачту качает, а ветер пытается скинуть вниз. Это не беда.

Легко говорить. Одолеть собственный страх трудно. Я боюсь бояться. – Признался себе Даня.

Вниз матросы спускались, скользя по канату. Брайан показал Дэну, как это делается:

– Ногамихвати канат. Штанины ноги спасут. Руками почти не держишься. Только равновесие сохраняешь. Иначе ладони обдерешь.

Парни летели по канату со свистом и гиканьем. Дэну хотелось также. Он обхватил ногами канат, вцепился в него руками. Оттолкнулся, повис в воздухе. Чуть-чуть разжал руки, ноги. Заскользил вниз. Притормаживал ногами, но порой и руками. Добрался до палубы. Следом слетел Брайан.

– Руки покажи, – потребовал рыжий черт.

Даня показал ладони. Ободрал в кровь. Они горели. От боли и досады хотелось плакать. Ни кто не должен видеть твоей слабости. Лишь детская обида на лице. Брайан сделал вид, что не заметил отсвет боли в глазах мальчишки. «Этот выдержит, – решил он. – Молодец».

– В первый раз такое не редкость. – Плотник кивнул головой. – Идем в кубрик. Мазь дам. Полегчает.

Они пошли в матросский кубрик. Брайан открыл сундучок. Со дна достал глиняный горшочек:

– Мажь, – велел он, протянул целебную мазь.

В горшочке была темная пахучая смесь. Дэн смазал мазью ладони. Боль немного стихла.

– Потом еще придешь, помажешь. – Сказал Джереми.

Дэн пошел к капитану. Не за жалостью и сочувствием. Капитану он не покажет свою слабость. Кому угодно, только не ему. Оказаться слабым и беспомощным в глазах этого человека он не мог. Свен ждал в каюте.

– Бери шпагу, – приказал сходу он. Поднялся из за стола, направился к ученику.

Дэн взял рукоять шпаги и почувствовал боль в ладони. Шпагу он держал так неловко, что это бросалось в глаза.

– Руки покажи, – велел Свен. Не сложно догадаться, мальчишка поранил руки. Кожа на ладонях любого матроса жесткая, огрубевшая. Со временем и у Дэна она станет такой, защитит руки. А душа? Кесарю кесарево, богу богово. Капитан не священник, не небесный лоцман. Не ему заботиться о душах.

Данька спрятал левую руку за спину, правой держал шпагу.

– Руки покажи, – рявкнул Свен.

Дэн нехотя вытащил левую руку из-за спины и протянул ладонь капитану.

Тот покачал головой:

– Ладно. Мастерство не сразу приходит. Со временем получится. Отложим сегодняшнюю тренировку.

– Да, капитан. – Данька чувствовал себя виноватым. Сорвал тренировку.

– Положи на место шпагу, – велел капитан. – Пара дней ничего не изменит. Наверстаем упущенное.

Капитан не сердится, не считает его лентяем. А ладони, да ну их, заживут. Данька выполнил указание, убрал шпагу, присел на стул. Свен смотрел на юнгу, спросил:

– Очень больно, Дэн?

Данька отрицательно помотал головой.

– Это пройдет, Дэн. Матросы не плачут, даже когда очень больно. Запомни, матросы не плачут.

На мгновение капитан повернулся спиной к юнге. Встрянул головой, снова повернулся к Дэну и весело повторил:

– Матросы не плачут, юнга.

И Данька эти слова запомнит. Он учился не плакать. Он получил урок от капитана Свена.

Часть 4

Пару дней Данька прятал свои ладони от матери, что бы она не увидела их. Как мог он ей объяснить, откуда у него ссадины на ладонях. Но от себя он больше не мог прятаться. Хотелось забраться в постель, укрыться одеялом с головой и думать, что все пройдет. Придет рассвет и вместе с ним растает сон о далеком море. Эти ободренные ладони были явным свидетельством того, что то, что он хотел считать сном, вовсе не сон, а реальность. Он живет в двух мирах, в своем и в том, другом мире. В отчаянии он цеплялся за мысль, это игра больного воображения. Результат переутомления или нехватки витаминов. Купить в аптеке коробочку здоровья, принимать утром и вечером, все пройдет. Что это? О таком он читал только в книгах. Было интересно. Такая выдумка, фантазия писателя. А теперь он был участником этого события. Было, отчего закричать. «Я не хочу! Отпустите меня! Я полицию вызову!». Ни кто не придет на помощь. Отчаяние бессилия парализовало волю. Что делать? В чем причина? Что это: проклятие или страшная болезнь? Может, он, Даня, порождение зла, и несет в мир беду? Извечное Зло отыгралось на нем за Лесли? Ощущение реальности терялось в этом жутком лабиринте мыслей. Ему не хотелось выходить на улицу. Замкнулся в себе. Вновь и вновь он возвращался к этим мыслям, пытаясь разобраться, за что ему это. В чем он провинился? Где он подцепил эту страшную болезнь? Мысли бились и жужжали в голове, как муха, запустившаяся в паутине. Иногда думал, он престо чудовище. Если кто-нибудь узнает об этом, его упрячут в клетку. И это правильно, справедливо. Он должен понести кару. Но за что?! Только в том, другом мире, он отвлекался от этих мыслей. Постоянные тренировки, работа – все это заполняло время. И думать о чем-то еще он просто не успевал. А рядом с ним на корабле были такие парни. Замечательные. Они были рядом. В них столько уверенности. Иногда ребята подшучивали над ним. А он отвечал им шутками. Они смеялись и работали вместе, рядом. Ему было легко с этими парнями, очень легко. Так легко было разве что с Максимом. Его друзья, настоящие друзья. Идти в открытом море под парусом. Многие пацаны из его мира позавидовали бы. Романтика. Кто выдумал это слово? Эту сладкую конфету? Может, те, кто сидит дома на мягком диване возле телевизора, пьет чай или жует чипсы. Для него здесь не было романтики. Тяжелый повседневный труд, до боли во всем теле, в руках, ногах, пояснице. Рубашка, мокрая от пота. Где здесь романтика? И каждый день одно и то же: романтика обыденности. Раб в каменоломне повседневности – первый романтик. Небо над головой, как крик о свободе, и серые камни жизни. Тренировки, стрельба, борьба, фехтование. Свен не оставлял ему ни одной свободной минуты. А потом работа на палубе с другими ребятами. А может, быть романтика, когда ты стоишь на палубе, и легкий ветерок обдувает твое лицо. Ты смотришь в морскую даль. Корабль скользит по волнам. И хочется петь. Можно задрать голову туда вверх, где другие парни так ловко бегают по реям. Может быть, это и есть романтика, когда другие, а не ты, рискуют собой. А вы пробовали сами подняться на мачту. Там ветер уже не друг, это ваш злейший враг. Каждую минуту он пытается сбросить вас вниз. А вы должны удержаться. Даньке очень хотелось быть таким же ловким и сильным, настоящим матросом вольного корабля. И он старался. Он не смотрел вниз, не думал, что может сорваться. Он хотел быть одним из этих парней. Ему казалось, что он освоил эту премудрость и может так же ловко двигаться там на верху. Но однажды ветер ударил его в грудь. Под ногами грот бром рей, или как называется та жердь, на которой он висит. Нога скользнула по гладкой поверхности реи. Вот-вот он упадет, пытается ухватиться хоть за что-то. Но хватает только воздух руками. Тут чья-то сильная рука вцепилась в него, тащит за шиворот. Рубаха треснула. Рывок сильной руки, и Данька удержал равновесие. Его удержала рука Брайана О`Тула, корабельного плотника и просто матроса. Друга. Словно в тумане, он добрался до каната, ведущего вниз. Ухватил его трясущимися руками. Этого скольжения вниз он не смог бы вспомнить. Стоял, широко расставив ноги, полу-

согнувшись. Обхватил ладонями колени. Жадно ловил ртом воздух. Никто не должен видеть твою слабость. Не смей показывать ее даже себе, так учил капитан. Данька выпрямился, тряхнул головой. Зашагал по нагретым солнцем доскам палубы. Душа пела: а, ну-ка, песню нам пропой веселый ветер, моря и горы ты облазил все на свете и все на свете песенки слышал. Он шагал уверенно, улыбался, праздновал победу над самим собой. Он позже думал, еще одно мгновение и жизнь закончилась. Одно движение, шаг. Даня, ты еще не знаешь, сколько раз ты будешь делать свой шаг в темноту, в бездну под ногами, что ты не раз будешь оставаться один на один с небом. Великая тьма космоса будет разговаривать с тобой как с равным. Ты будешь делать этот шаг, оставив страх за спиной, радуясь свободному полету. Но это в будущем, которое скрыто от тебя. Он в эти мгновения обретал себя. Это не сон и не бред. Он здесь на корабле, а не у себя дома в кровати, лежит укрывшись одеялом. Дэн решил поблагодарить своего спасителя. Подошел к Брайану, сказал:

– Брайан, спасибо. Ты спас меня, – улыбнулся и протянул руку. Улыбка в ответ, и рука Брайана задорно и лихо бьет по его ладони:

– Это ерунда. Не надо так быстро бегать, Дэн. Мне надо извиниться перед тобой, парень. Я порвал твою рубаху. Ну, ничего, заштопаешь.

Помолчал, а потом добавил:

– Я виноват перед тобой, порвал рубаху. Давай, заштопаю.

– Да, я сам, Брайан, я сам заштопаю, – дыра на рубашке – мелочь. Дело житейское. Данька стоит, подперев рукой бок. Лихой матрос, сам черт тебе не брат. А может брат? Этот рыжий чертяка, что стоит рядом и скалится в улыбке. Ветер перебирает пряди его рыжих волос, он протягивает большую сильную руку к тебе.

– Давай сюда. Снимай рубаху. – В голосе легкое пренебрежение. Превосходство. – Тут, как и во всяком деле, меньше требуется. Я так заштопаю, что не будет заметно.

Данька посмотрел на крупную руку друга с сомнением. Такими ручищами делать тонкие стежки.

– Мои руки не только топор могут держать, – плотник заметил взгляд Дэна, – но и иглу.

Брайан заставил Даньку снять рубашку. Взял ее, достал из-за пояса иголку с ниткой и начал зашивать. Стежки у него получались ровные, гладкие. Он делал это легко и очень аккуратно. В больших сильных руках Брайана игла стала волшебной, как в руках настоящего мастера. Он приговаривал:

– Ты что, думаешь, я топором со всего плеча рублю. Топор – инструмент тонкий. В умелых руках он чудеса творит. С ним управляться посложней, чем с иглой. Нет, я на все руки мастер. Заштопаю, будет как новая. Вот, смотри.

Плотник показал результаты своего труда. Стежки были мелкие ровные. Если не приглядываться, можно и не заметить шов.

– Надевай. Видишь, какая работа. То-то же. Я же говорил, что у меня это хорошо получается Ты, Дэн, если что, обращайся. Заштопать. Починить. Я сделаю. У меня золотые руки, парень. Мастеровые.

И Брайан ушел прочь. Швом на рубашке матрос гордился больше, чем спасением жизни юнги. Подумаешь, спас. Не он бы, так другой. На корабле дело обычное.

На следующее утро на небе появилась в начале одна тучка, потом вторая. Ничего не предвещало плохой погоды. Но вот ветер усилился. Волны стали больше. Капитан приказал убрать паруса. Матросы бросились на мачты, что бы свернуть их, эти паруса. Сколько сил и сноровки требуется, что бы сложить прекрасные белые крылья «Скитальца». Дэн, преодолевая страх, то же полез на мачту. Ни кто не сможет сказать, что он струсил. Я боюсь бояться. Он будет работать так же, как они. Вокруг темнело. Небо все затянуло тучами. А волны вздымались все выше и выше. Корабль подбрасывало на норовистых хребтах волн, то вверх его поднимет, то он падал вниз. Несутся люди на крутых горках. А Данька был там, на мачте. Убрать паруса.

Только это было в его голове. Быстрее. Быстрее. Думать о себе не было времени. Когда они почти закончили, волны ревели и бесились, били в корпус корабля. Тот подпрыгивал. Падал. И нужно было спуститься вниз. Скользить по мокрому канату, свободно болтающемуся в воздухе. Но вот они на палубе. Волны бросаются на корабль со всех сторон. Смывают все на своем пути, сбивают с ног. Удержаться. Волна ударила Даньку. Он упал на палубу, заскользил по доскам. Волна тащила его к самому краю борта, в яростном желании утащить за собой в темноту. В ту тьму, которая когда-то пугала его. Тьма выглядывала из ревущего потока. Неслась на корабль, стоя на гребне волны. Шептала: я доберусь до тебя. Дэн ухватился за веревку, удержался, поднялся на ноги. Сделал несколько шагов вперед, но тут новая волна. Она вновь чуть не сбивала его с ног. Нет, нет, море, ты меня не одолеешь. Нет силы, что одолеет слабых. За гранью бессилия они обретут стойкость. Безумный ветер не вырвет корни жизни. Данька бросил взгляд на капитанский мостик. Там стоял Свен. Он широко расставил ноги и держал штурвал. Он держал курс на встречу буре. И не шагу назад, покоряющий бурю, ты дорогу пройдешь до конца. Боги взор свой с улыбкою хмурят. Ты, идущий, избранник творца. Взлететь на вершину живой горы, что бы волна не могла ударить «Скитальца» подло в борт и опрокинуть. Волны захлестывали мостик, фигуру капитана, там на мостике. Стремилась опрокинуть его. Одинокая фигура на мостике, побеждающая тьму.

– Вот ты какой, капитан Свен. – Данька гордился своим капитаном. Верил в него, как в бога. Знал, море и небо отступят перед ним.

Шторм продолжался долго. Корабль выстоял. Наконец, море стало стихать. Волны просели. Выглянуло солнце, и они шли по тихой спокойной воде. В Даньке проснулось чувство плеча. Он рядом с теми, кто готов выйти на бой с богами. Титаны, посторонитесь. Идут люди. Они готовы бросить свою жизнь в пасть смерти. Плечом к плечу дорогою бессмертья.

Вновь развернули паруса и «Скиталец» шел вперед. Для Даньки это был первый шторм в жизни. Ему хотелось узнать, а как он выглядел со стороны. Очень плохо? Совсем не так, как должен вести себя настоящий матрос?

Он улучил момент, подошел к Брайану и спросил:

– Брайан, а как я во время шторма, очень плохо? Очень плохо работал? – Со страхом ждал ответа. Закусив губу, стоял с видом ученика, плохо подготовившего домашнее задание. В надежде на тройку.

Брайан скучающе посмотрел на юнгу, сплюнул и сказал:

– Если б у меня было время и возможность, я запер бы тебя в трюме. Ты только путался под ногами, – рыжий чертяка засунул руки в карманы брюк. Таким руки не подают. Таких матросы презирают.

Краска бросилась в лицо Даньке, мгновенно сменившись бледностью. Он падал в волны другого шторма, шторма отчаяния. Данька опустил голову и тихо спросил:

– Так плохо? Очень плохо? – Замялся, боясь продолжать. Выдохнул безнадежно – Я – трус?

Плотник рассмеялся, легонько ударил кулаком парня в плечо:

– Нет, Дэн. Совсем нет. Совсем наоборот. Ты вел себя отлично. Я что бы ты знал свое место, юнга. Запереть тебя в трюме было бы спокойнее. Совсем страх потерял. Вместе одолеем бурю. Твои руки на корабле не лишние.

– Спасибо. Спасибо, Брайан, – крикнул Данька и вприпрыжку побежал в каюту капитана.

Что за судьба! Что за судьба у него, у Даньки. Опять со всего размаха налетел на капитана. Тот остановился.

– Юнга! – Свен чуть повернул голову в сторону парня. Взгляд строгий.

– Капитан, – Дэн виновато смотрит на своего начальника, хлопает ресницами.

– Юнга, ты – шалопай! – И капитан пошел дальше. Шел, пряча улыбку. Озорной мальчишка, этот юнга. Скакать и прыгать. Хоть к мачте привязывай.

А Дэн стоял, как будто, его окатили холодной водой. Радость померкла. Во истину глаголют, много печалей в радостях ваших. Ему хотелось провалиться сквозь землю. Он убежал в каюту. Сел на свой сундук. Уголок спасенья в мире бед.

Он шалопай. Капитан так сказал о нем. Он самый отъявленный шалопай. Было стыдно. Хотелось куда-нибудь спрятаться. В какую-нибудь щель. Ему было не по себе. А может, действительно, пойти в трюм. Спрятаться там, что бы никто не мог его найти. Данька вышел из каюты и попытался прокрасться так, что бы не попасться на глаза капитану или боцману Брину. Боцмана он боялся даже больше, чем капитана. Ему казалось, что Брин смотрит на него особо осуждающе, особо сурово. Лучше не попадаться на глаза. Данька крался по палубе. Спрячусь, не отыщете. Там и буду сидеть.

Ах, Даня, Даня. Если б ты сейчас мог слышать. Капитан стоял возле боцмана. Они вели неспешный разговор:

– Да, Брин, кажется, нам нынче не очень везет, – усталый взгляд черных глаз. Криво улыбается. Стоит, чуть раскачиваясь на каблуках. Ворот вышитой рубашки расстегнут. Говорит, словно, не слышит своих слов. В голосе тоска, не доступная боцману.

– Не твоя вина, капитан, – откликнулся Брин, – Все знают, что ты кормишь удачу с руки. Удача – она женщина, а женщины – ветрены. И очень часто опаздывают. Она придет, только позже. Я верю в тебя, Свен, – боцман прячет улыбку. Капитан похож на ребенка, чьи надежды не оправдались. Как в этом взрослом мужчине может жить маленький мальчик. Боцман сжал кулак, что бы удержать руку и не погладить иссиня-черные волосы на голове капитана. Прижать бы его к груди, как сына, утешить.

– Спасибо, Брин. Боцман, я еще хочу тебя спросить о юнге, об этом мальчишке. Что ты думаешь?

Боцман помедлил. Что спрячешь ты, капитан, за этим вопросом?

– Если честно, капитан, то вначале... в начале я думал, что не выйдет толка из этого парня. Ну, ошибся. Не знаю, кто из вас творит чудеса, ты Свен или этот мальчишка, но из него получится матрос. Я уверен. А потом, я заметил, Свен, ты уж прости... Мы знаем друг друга много лет. Когда этот мальчишка появился на корабле, в тебе что-то изменилось. Может, ты вспомнил свой дом. – Брин отвел взгляд, что бы не смущать Свена. Порой трудно, даже глядя в глаза старому другу, признаться в маленьких слабостях. В тоске по дому, по прежней жизни. Боцман знал это. И его душу ночной порой разъедала тоска. Словно волк, он готов был выть на эти звезды, на луну. Биться головой о переборку в каюте, выбить из себя тоску.

– Брин, я давно забыл о своем прошлом. И не надо об этом. – Отчаяние в голосе. Пламя боли, рвущееся из груди капитана, обожгло боцмана. Страдание мужчины-мальчишки алой живой струйкой крови текло из незаживающей раны души. Что причиняет тебе такую боль? Какое зелье может залечить ее? Ты искал лекарство в безмятежности смерти. В безумии ярости. Ты захлебывался волной тоски, прячась от всех за стеной улыбки. Ты сильный, сильнее бога. Только ты сам, бог здесь бессилен, сможешь снять этот камень.

– Свен, от пришлого не спрячешься. Но я не только о тебе говорю. Во мне тоже что-то изменилось. Возможно, я вспомнил свое прошлое. У меня тоже был дом. И это было так далеко и так давно. Парнишка напомнил мне об этом. Поначалу это меня злило. И я был готов, кажется, выбросить его за борт. Злость, ярость душили меня. А сейчас... Сейчас все изменилось. Я, как будто, немного подлечился. Не так тяжело вспоминать. Лекарство было горьким, но я его выпил. Вот так, Свен. Может и тебе это поможет. Впусти прошлое в сердце. Прими его и примиришься с ним. Прости себя и прежнюю жизнь.

– Да ладно, боцман, мы люди, у которых нет прошлого. И не зачем возвращаться туда, куда мы все равно не вернемся. – Улыбка сожаления, приправленная тоской в глазах.

Ты тупой упрямый мальчишка, Свен. Страж страха своего. Открой темницу, выпусти его на волю. Он уйдет, волны времени сотрут его следы.

Капитан хотел уйти, но Брин его остановил:

– Капитан, я еще хотел сказать, – боцман прямо смотрел в глаза капитана.

– Ну, говори, боцман, – Свен улыбкой воздвигал стену между ними.

– Ты бы как-нибудь помягче с этим юнгой.

– А что? – спросил капитан. Поблажек на корабле никому не будет.

– Ты совсем его загонял. Он не выдержит. Мальчишка работает наравне со всеми. Даже больше других. А еще ты. Гоняешь его изо дня в день. Он сломается. Такого не возможно выдержать, капитан. Ты, что, хочешь загнать парня? – боцман отчитывал своего капитана. Здесь не прятали свои мысли, не заискивали перед командиром. Каждый волен иметь свое мнение.

Свен помрачнел.

– Нет, не хочу. Он выдержит, боцман. Я тебе говорю, выдержит. Я сделаю из него настоящего матроса.

– Ты упрямый дурак, капитан. Я бы на твоём месте все же остановился. – Боцман махнул рукой, понимал капитан не изменит своего решения.

– Брин, ты на своём месте, а я – на своём. Я – капитан на корабле и я решаю.

Свен повернулся и пошел прочь.

Дэн, возможно, добрался бы до трюма. Юркнул туда, нашел тихий укромный уголок. Спрятался бы.

– Пусть ищут. Не найдут. Там и буду сидеть, – говорил он себе. – Вот залезу и не выйду. Ну, их всех.

Но в это время на мачте матрос, который сидел в корзине, что-то прокричал, куда-то указывал руками. Дэн решил: земля, наверное, земля. Обида на весь мир отступила. Он подбежал к борту и стал смотреть в ту сторону, куда указывал матрос, сидевший на мачте. Но ничего не разглядел. Заметил О`Тула. Подбежал к нему.

– Брайан, это что, мы к острову подходим? – В волнении спрашивал он друга. Такое приключение и сидеть в трюме. Дудки! Они подходят к неизведанной земле.

– Нет, Дэн. Это испанец. Купец. – Брайан спокоен. В глубине его голубых глаз то вспыхивает, то гаснет огонек. Лихой задор готов вырваться наружу, но подчиняется воле рыжего укротителя.

– Ну и что, что купец? – Не понимал Данька. Мы что, сейчас шопингом займемся. Как на рынке в его мире. Прямо с машины купить арбуз или картошку подешевле.

– Мы его сейчас догоним. Будет потеха. Мы его возьмем. – Брайану невдомек, кто-то может не понимать очевидных вещей. Купец выходит в море в надежде, что не встретит пиратов. Пираты – в надежде поймать купца.

В твоём мире, Даня, у детей до появления всякой ерунды типа компьютерных игр была игра. Гуси, гуси. Га, га, га! Есть хотите? Да, да, да. Так летите же домой. Серый волк под горой. Бегут девчонки и мальчишки. Смеются. Одни убегают, другие ловят.

– Как возьмем? Зачем? – Спрашивал Даня. Без спроса? Так можно?

– Увидишь. Потерпи не много. Догоним, и все увидишь. – Отмахнулся Брайан.

Данька стоял на палубе и смотрел. «Скиталец» догонял испанского купца. Расстояние уменьшалось и уменьшалось. Испанский корабль пытался уйти, но не мог. Тут заговорили пушки «Скитальца». Испанец то же стрелял, но стрелял как-то беспорядочно, словно пытался отмахнуться от назойливой мухи. «Отстань. Отстань» – и новый выстрел. Но «Скиталец» все ближе, и тут испанец еще раз грохнул из своих пушек. Дэн почувствовал рядом с собой горячую волну воздуха, свист. Ядро пролетело в полуметре от него и плюхнулось в воду там, за «Скитальцем».

Это что? Его, Даньку, сейчас могли убить? В него могло попасть ядро? Конечно, это почетная смерть. Так погиб Д`Артаньян, маршал Франции. Ядро угодило тому в грудь. Но ему,

Дане, этого не хотелось. Он не маршал Франции, что бы ядра охотились за ним. Ему рано. Ему еще не хочется умереть. За Францию, тем более. И чего они стреляют? Он не готов еще. Мама сегодня обещала кекс с изюмом купить. К чаю. Кекс засохнет без него?

Корабли сближались. Они идут борт о борт. Засвистели абордажные крючья. И они сошлись. Удар борта о борт. В этот момент, на борт испанца первым прыгнул капитан Свен, за ним боцман Брин и следом Брайан О`Тул, корабельный плотник и просто матрос. Рыжий черт. Прыгали другие ребята. Дэн стоял и смотрел. Это был бой. Морской бой, не такой как за школьной партой на листочке бумаги. А6 – мимо, А8 – попал. Здесь все было рядом. Не на бумаге крестиком вычеркиваются корабли. Ударом шпаги отнимают жизнь. Это даже не на экране телевизора или кинотеатра. Он видел, что происходит рядом с ним. Пистолетные выстрелы, звон стали, крики, кровь. Порой, ему казалось, что видит он все на расстоянии вытянутой руки, может ближе. Возможно, это его воображение дорисовывало страшные картины. Какие кисти и краски у смерти. Дега, Моне, а вы смогли бы на полотне сам воздух смерти отразить? Мсье Дебюсси, а вам по силам сыграть на флейте боли и предсмертных криков. Полотна баталистов – жалкие потуги. Как передать, когда в глазах человека меркнет свет жизни. Вписать в грунт холста боль хоть одного бойца. Его последнюю мысль. Тело медленно падает. Взметнулись руки, пытаюсь удержаться за край бытия. Данька слышал крики ярости и боли. Отключите 3-D звук и стерео изображение. Ради Бога, накиньте на мир занавес Черного квадрата. Зажгите лампы покаяния обо всех погибших. Неяркий свет пусть озарит тропу ухода в вечность. Люди падали. Он видел лица, искаженные страхом и болью. Вот какой-то парень. Молодой, черноволосый. Красный шейный платок. Синяя жилка бьется на шее. Зеленая рубашка разорвана на рукаве. Его шпага не смогла отразить удар. В грудь вонзился клинок. Растерянность и удивление на красивом лице. Что шепчут его губы? Мама? Боль, застилающая мир. И одиночество последнего мгновения. Глаза широко распахнулись последний раз и потухли. Парень упал на палубу, и на зеленом полотне рубашки выступила кровь. Даньке хотелось убежать, спрятаться, но ноги приросли к земле. Он не мог сдвинуться с места. На него навалился какой-то ступор. Закрывать глаза он и то не мог. Все это было перед ним. Ребята, парни, его друзья, с которыми он был рядом минуту назад, на его глазах убивали людей. Они убивали. Эти добрые, хорошие парни – убийцы?

Брайан бросился на палубу вражеского корабля. В двух шагах позади Сол орудует абордажным топором. Плотник увернулся от удара, короткий выпад шпаги, и испанец упал. Никто не остановит рыжего черта. Только этот миг, миг боя существует для него. Крики и смерть растворяются в безумии сражения. Собственная боль теряется в азарте борьбы. Не врагов убивают они, а собственную тоску и потерянную жизнь. Чужие родники крови текут под ноги. Очередной удар клинка, и падает тело. Бой – это не искусство одиночки, не поединок. Парни со «Скитальца» рядом, они готовы прикрыть товарища от смертоносного удара. И Брайан придет на помощь другу, если будет нужда.

Ему, Даньке, было страшно, но сдвинуться он не мог. Не мог. Его словно парализовало. Вот бой стих. Повисла гробовая тишина. Только плеск воды за бортом. Парни, его друзья, чистили палубу. Они брали трупы и выбрасывали тела за борт в воду. И страшные всплески за бортом они пытались заглушить. Кто-то насвистывал песенки. Матросы перебрасывались шутками, смеялись. Это он все видел. Бред, страшный бред и он – участник этого бреда. Вон О`Тул с другим матросом несет очередное тело, очередного убитого, подтащили к борту, раскачали – выкинули. Всплеск воды. Брайан махнул рукой и весело крикнул:

– Загребай волну, приятель. – Рассмеялся.

Для этих ребят то, что они делали, было обыденным. Обыкновенная работа, не более. И это то же было страшно. Это просто работа, то, что они делали уже много раз, и будут делать потом. Так как какой-нибудь клерк перекладывает бумажки с одного конца стола на другой. Ничего особенного. Данька стоит и сморит. Он не заметил, как к нему подошел Свен.

– Юнга! Дэн! – Данька стоит и не чувствует своего тела. Кто-то зовет его, но не может докричаться.

Капитан трясет за плечо. Данька очнулся.

– Дэн, пойдём, поможешь мне умыться, – легкая усталость в глазах. Конец рабочего дня.

Они пришли в каюту. Капитан был в крови. Капли крови на лице, на рубашке, на руках.

Юнга спросил:

– Капитан, вы ранены? – Бросил на Свена встревоженный взгляд.

– Нет. Сейчас польешь мне воду. – Малые издержки профессии. Испачкался. Омыть водою руки, смыть кровь с ладоней. Я умываю руки.

Свен снял рубашку, скомкал и бросил в угол.

– Лей! – Свен подставил ладони под струю воды. Поднял голову, посмотрел на юнгу. Озорная улыбка на губах.

Капитан плещет воду себе воду лицо, разбрызгивает капли влаги по сторонам. Данька льет воду из кувшина. Вода стекает в таз вместе с кровью. Капитан умылся, обтерся полотенцем, надел чистую рубашку. Подошел к столу и сел в кресло.

– Юнга, сходи на камбуз. Есть что-то хочется. – Отчего не перекусить после хорошей разминки.

– Да, капитан, – ответил юнга. Данька сидит на сундуке, опустив руки вдоль тела. Не может прийти в себя после увиденного. Раньше кровавое месиво боя он видел в кино или на игровых полях компьютера. Ему в голову не приходило, за этими кадрами скрыта боль и смерть. Самая настоящая. Все было далеким, пустой забавой. Реальность жестока, рубит душу пополам.

Даня хотел пойти на камбуз, но капитан остановил его.

– погоди, зря сходишь. Думаю, обед сегодня задерживается. Наш кок тоже любит чувствовать в деле. Так что обед будет позже. Не будем терять время, юнга. Бери шпагу.

Дэн послушно взял шпагу. Капитан встал напротив Даньки, вытащил из перевязи свою шпагу, которой только что убивал людей. И они начали урок фехтования.

Звон стали. Удар, еще удар. Дэн сейчас понял, это не просто спорт. Это не урок фехтования, это уроки выживания. Борьбы за жизнь. Это был для него еще один урок.

Наконец, капитан сказал:

– Хватит. Сходи на камбуз, а то есть хочется зверски. – Не спеша пошел к креслу. Сел. Закинул руки за голову. Передохнуть, расслабиться.

Данька выскочил на палубу. Прошел вперед. Остановился.

– Откуда у капитана столько сил? Он только из боя. И эта тренировка, которая его, Даньку, так изматывала. Что хотел капитан? Он хотел отвлечь его, юнгу, от того, что он только что видел. Капитан, какой же ты хитрый! – Данька негромко засмеялся. Это был истеричный смех. Он с трудом справился с ним и пошел за едой.

Вернулся в каюту. Огромный сундук дремал, как ленивый кот. Шкафы стояли плечо к плечу. Диван, старый философ, задумался о тщетности существования. Стол-царедворец с картами в руках. Уверенность и покой. Даня расставил миски, присел на стул. Капитан с аппетитом начал есть. Данька сидел тихо, молчал.

– Ты, что, юнга, не ешь? Не нагулял аппетит? Мы мало фехтовали? – Свен на минуту оторвался от еды. Морщинка задумчивости на лбу.

– Нет, капитан. Я сейчас, – Даня придвинул миску и начал есть. И почувствовал, что очень, очень проголодался.

Данька никак не мог проснуться. Солнечный луч пытался пробиться сквозь закрытые веки. Даня с трудом продирает глаза. Практически на ощупь нашел рубашку, брюки. Натянул их на себя и поплелся в ванную, умыться. Холодная вода его не освежила. Такой же заспанный, он добрел до кухни, плюхнулся на стул напротив матери.

– Дань, ты все еще спишь? Не можешь проснуться, сынок? – Мария собирала на стол. Из холодильника на стол проследовали масло, сыр, колбаса. Разлить чай.

– Ой, не могу, мам. Я на ходу сплю, – глаза закрыты, рука шарит по столу.

– Ты кофе выпей. – предложила мать. Извлекла из кухонного шкафчика на стене банку растворимого кофе. – У нас сливки есть. Будешь?

– Сейчас, черный кофе без сахара. Мне покрепче, две ложечки. – Данька на ощупь нашел чашку, поднес ее к губам, выпил горячего напитка. Открыл глаза. Скатерть на столе, сахарница, тарелка с бутербродами. Реальный мир, сквозь пелену сна пробивается в сознание.

Мать только сейчас заметила на рубашке на плече сына ржавые пятна. Словно отпечаток руки. Ржавые? Мария Петровна привстала, чтобы лучше разглядеть. Отпечаток пальцев не оставлял места сомнениям. Следы крови.

– Кровь? Дань, ты поранил плечо? – Забеспокоилась она.

– Мам, какое плечо? – Он еще не мог проснуться.

– Вот. Вот, посмотри. На рубашке. – Мария Петровна непроизвольно передвигает чашку на столе.

Дверца кухонного шкафа на стене приоткрылась сама собой. Тарелкам и чашкам не чуждо любопытство. Створка на часах приоткрылась, кукушка выглядывает, склонив голову на бок.

Данька встряхнул головой, стал осматривать себя. Точно. На плече отпечаток руки Свена.

– Это кровь, Даня? – Снова спрашивала Мария Петровна.

– Ну. Да. Кровь, – шила в мешке не утаишь, и в голове не было не одной мысли. Их забыли раззудить, и они сладко спали.

– Покажи плечо. Ты поранился? Ты поцарапался? – Откуда может появиться кровь на рубашке. Мальчишки, вечно ссадины, раны.

– Мам, нет, – и дались ей эти пятна. Покажи, покажи.

Данька расстегнул рубашку, показал плечо.

– Господи, а откуда кровь? Рубашка. Я ее недавно постирала. Она была чистая. – Руки Марии Петровны безвольно легли на стол. Она растерялась.

– Это Свен меня за плечо тряс. У него рука была в крови. – Его больше не беспокоила чужая кровь. Ушла острота переживаний. Он принимал все, как данность. Юность легко приспосабливается к условиям, предлагаемым жизнью.

– Это твой приятель? Свен? Он что руку порезал? Или подрался? – Что может быть проще.

– Он подрался, мам. – Истину не станешь отрицать. Подрался, на шпагах. Может, пусть тебя лупят испанцы? Данька проснулся. Отодвинул чашку. Готов возмущаться, защищать своего капитана.

– С кем? – Мария отпила чая. Кивнула в возмущении головой. Господи, хулиганов развелось. Детям не возможно выйти на улицу. Где нормальным детям гулять? Куда смотрит полиция?

– А я откуда знаю, подрался и все. Он не ранен, мам.

– А те, с кем он подрался? – Мария нервно крутит чайную ложечку в руках. Что творится у них во дворе, куда катится мир.

– Он их убил, – что тут интересного, дело житейское.

– Как... Как убил? – Мария Петровна тяжело опустилась на табуретку, так и не дотянувшись до чайника, что бы долить себе кипятку. – Убил?! Твой приятель, этот Свен, убил человека?

– Убил. Но не одного же. – Искренне оправдывал Данька Свена. – Человек пять, может десять или больше.

– Десять человек убил? Как?! Даня, ты с кем связался? Кого он убил? – Паника в голосе.

– Мам, он не знает, кого убил. – Даня запивал глотком кофе кусок бутерброда с колбасой. Странные вопросы мама задает ему. – Они не успели представиться. Ну, не успели. А он не спросил. Не когда было, и он их просто убил.

– Даня, что ты такое говоришь! Убил, потому что некогда разговаривать. Это что за такие порядки, убить и не спросить ни о чем? – Она была в растерянности и плохо сама понимала, что говорит. Могу согласиться, есть некий шик в том, что бы вначале представиться, выпросить имя, а после убить.

– Он их убил, а потом трупы выкинули за борт. Какой смысл спрашивать имена. В святцы писать? – Данька не видел в этом смысла.

– Даня, ты хочешь меня напугать? – Тут она поняла. Десять человек. Что весь двор усеян трупами? Вот фантазер! Выкинули за борт! Придумает же. И все только для того, что бы оправдать себя. Ну, испачкал рубашку. Что тут такого? Испортил. Новую купим.

– Бог с ней, с рубашкой. Не отстирается, выкинем. Кушай быстрее, на рынок поедем.

Даня вспомнил, что сегодня выходной, и они собирались на рынок, что-нибудь купить из продуктов.

– Сейчас, я быстро. – Даня торопливо допил кофе.

После завтрака он сменил рубашку, и они на троллейбусе отправились на базар. Долго ходили, выбирали. Что получше и подешевле. Торговцы, прилавки и покупатели – все смешалось. Люди спешат, торопятся. На Тортуге рынок не спешный. Торговля не терпит суеты. Здесь выходцы с Кавказа продают свеклу, черемшу, картофель. Позже завезут грузди, подосиновики, рыжики. К осени на скалах приэбрусья вызреют клюква и брусника.

– Как дорого, генацвали?! Ты сам попробуй, собери бруснику, тогда говори, дорого.

Что-то в жизни перепуталось хитро.

Набрали всего: картошки, помидор, зелени, свеклы. Потом зашли в павильон, где торговали мясом. Купили кусок говядины. Мария Петровна спросила:

– Денечка, хочешь, я сварю сегодня вечером борщ? – Они шли к остановке. У каждого пара пакетов в руках. Не большой запас продуктов на неделю.

– Да, мама, конечно. – Мать варила отличный борщ. Редкостный.

– У нас еще в холодильнике сметана осталась. Отличный будет борщ, сынок.

И с покупками они поехали домой. Когда вышли с троллейбуса, пошли в начале к аптеке

– Даня, подожди здесь. Я в аптеку зайду. – Она поставила пакеты на землю рядом с сыном.

Порылась в сумочек, проверяя на месте ли кошелек.

Мария Петровна зашла в аптеку. Вышла через несколько минут.

– Я, Даня, купила валерьяну в таблетках. Выпьешь на ночь две таблетки. И я приму таблетку на ночь. Надо нервы подлечить. Придумываешь всякую ерунду. Какой-то Свен. Кого-то убил. Выдумщик ты у меня, сынок.

Они пошли домой, что бы варить борщ, вечером посидеть у телевизора, а на ночь... На ночь принять валерьяны. Подлечить немного нервы. Данька не стал убеждать мать в том, что он рассказывал – правда. Она не поверила. Может, это к лучшему? Может, и не надо ей знать этой правды? Так действительно будет спокойнее.

Часть 5

Сеятель-Жнец стоит у окна в своей коморке. Во дворе госпиталя редкие прохожие. Больные, медперсонал, посетители. За спиной стул, белый казенный стол, ровные ряды шкафов. Сеятель сошьет две вселенные нитью перемещений. Сошьет иглой, которую нашел в стоге сена. Он выбрал эту иглу, и выбор не случаен. Только Вселенным не очень нравится, когда их тычут иглой. Пытаются избавиться от этой иглы. Данька, ты думаешь, что все это случайность? Ты чуть не угодил в канализационный колодец, тебя чуть было не сбила машина. Другая Вселенная хотела погасить свечу твоей жизни, дунув ветром, что бы сбросить тебя с мачты. Ему, Жнецу-Сеятелю пришлось постараться. Он, владыка жизни и смерти, и никто не уйдет без его воли. Не уйдешь и ты, пока, Даня. Пока. Ты чужой своему и другому миру. Теперь чужой обоим мирам. Пришлось остановить тебя перед колодцем, пихнуть там на дороге. А в другой вселенной он, Сеятель-Жнец, в слепую использовал этого рыжего плотника. Удачная мысль. Другие Древние говорили, что, как только работа будет закончена, иглу надо сломать. Но Сеятель не хотел этого. Этот парень вызвал у него симпатию. Зачем разбрасываться хорошим инструментом. У Даньки есть какая-то искра, его нужно только поддержать. Из него получится хорошее орудие в руках Древних. Мастер – класс, что я дал тебе снял все преграды на пути твоего совершенствования. Все в твоих руках. Ты спал, а мирозданье тебя качало на своих руках. Не каждый смертный получил такие дары.

«Скиталец» вернулся в родной порт. Вон там берег. Матросы почему-то не спешили покинуть корабль. Они бесцельно бродили по палубе. Корабли мирно дремали на воде, обретая покой. Синь неба надежно лежала на стволах мачт. На этой синей сковороде запекался огромный желток солнца. Данька прошел на нос корабля, посмотреть на берег, который теперь считал родным. Вот там дома в полуденном мареве. Ему думалось, что здесь все родное для него. И это море и этот город. Сердцу не прикажешь. Хотя он и живет в двух мирах. Данька, прикрыв глаза ладонью, взглянул на светило и тихо сказал:

– Ну, что, электрическая лампочка моего ночника, вот возьму и выключу. – Рассмеялся. Потом сказал:

– Жил-был я, помнится, что жил.

Он, действительно, жил когда-то. У него была обыкновенная жизнь. Спокойная, такая, как у всех. Но что-то круто изменилось. Кто виноват в том? Его жизнь совсем не такая, как прежде. Он стоит между двух миров, прямо как в том старом анекдоте. Когда на политинформации говорили: Советский народ одной ногой стоит в социализме, а другой – уже в коммунизме. Один из слушателей спросил: И долго мы будем стоять вот так, нарасшарагу. И долго он, Даня, будет стоять вот так, нарасшарагу между двумя мирами. Над этим можно бы посмеяться. Но почему-то смеяться не хотелось.

– В порт шел флот с выигрышным билетом.

Они пришли с таким выигрышным билетом. Трофейный корабль – такой билет.

Ночь без сна, окна без тепла.

Данька не чувствовал, что ему хочется спать, только, где его ночь. Ночь без сна. Он засыпает и тут же переносится в другой мир. Вот она, его ночь без сна. И окна в этом мире не несут ему тепла. Ни одно окно не зажжется для него, не поманит своим светом. Но все равно, это родные окна, в которых он не найдет тепла. Данька думал, что как только они придут в родной порт матросы бросятся на берег, как было в школе, когда звонок зовет на перемену. Все ребята выбегают в коридор, бегают, прыгают, дерутся. Он вспомнил Маринку, рыжую девочку, из шестого класса. Она бежит по корриду, машет своей сумкой, пытаясь догнать пацана, а тот убегает от нее, уворачивается и задорно смеется. Волосы, рыжие волосы Маринки, растрепаны, очки сбились на бок. Съехали, но она преследует своего обидчика. А если так. По улице

этого города бежит Сол, а за ним рыжий Брайан, пытается догнать, что бы дать тому тумака. Они оба весело смеются. Обыкновенные мальчишки. Не больше. И все-таки эти мальчишки, он видел это, сражались и убивали, а потом выбрасывали трупы за борт. Кто они? Убийцы? Для него они не убийцы. Вместе с ними он прошел через шторм, плечом к плечу. Один из них, Брайан, спас ему жизнь. И заклеить их словом убийцы он не может. Дэн начал складывать стихотворение.

*Ты не убийца, ты – вольный пират.
В море нет равных по силе тебе.
Ты для меня единственный брат,
Нету родней на земле.*

*Я за тобой не числю вины,
Кровь ты в бою проливал.
Мы лишь эпохи этой сыны,
Где сатана правит бал.*

*Нет тебе места в аду и раю,
В волнах найдешь ты покой.
В воду морскую цветы я кладу
Ветер молебен пропой.*

«Не дурно, – думал Данька. – Не Фет, не Есенин и не Байрон. Нет, я не Байрон, я – другой. Не обо мне ли это? Были на Руси прозорливые поэты. И в те далекие времена думали обо мне. Талант не спрячешь, в землю не зароешь, прорастет». Рассмеялся. Чудик, если русичка услышит такую крамолу, она тебя вышвырнет из класса. Анафеме предаст. Отлучит от своих уроков. Не может он харлея от барлея отличить. Нет, харлей – это крутой мотоцикл. Барлей? Не мог он ямба от хорея отличить. Кто ж их разберет. Не я один такой. Дэн пошел, что бы посмотреть, что делают остальные парни. Под ногами поскрипывали доски палубы. Вон сидят, играют в кости. По-маленькой. На корабле запрещены крупные ставки. Здесь запрещены драки и всякие стычки. И все чтят это правило свято. Здесь даже не ругаются матом. А есть ли мат в этом языке? А на каком языке я разговариваю? – Подумалось Даньке. На английском? На французском? На испанском? На каком языке я думаю? Вот задачка. Я же понимаю все и всех. Вон ребята стоят у борта. Интересно, о чем у них идет треп. Дэн подошел поближе. Один говорил:

– Нашему кораблю везет. Никогда не возвращаемся без добычи. И не какой ни будь. Ни мешки с кофе и табаком. Не бочки вина, а куш по круче.

– Нет, – возражал Эрл. – Тут дело не в корабле, а в капитане. Это у него свои дела с Удачей. Она прячется в его каюте.

Эрл посмотрел на юнгу:

– Дэн, ты, поди, видел эту девчонку. Она не вылезает из постели капитана. А? Расскажи. Дэн покраснел.

– Э, ребята, покраснел. Точно, видел. Видел все их шашни. Расскажи.

– Нет, – говорил Данька – капитан свечу гасит, а в каюте темно.

Хочется выглядеть таким же взрослым, как другие ребята. Подобных вольных бесед он не вел. Не спрячешься от жизни, ее темных сторон.

Парни засмеялись. Эрл продолжал:

– Но тогда ты, может быть, слышал, что ни будь. Ну, что ты там слышал? Ну, поведай нам. Как капитан в постели называет свою девочку?

Лукавая девчонка в платье из шифона стоит в сторонке, улыбается. Золотятся на солнце ее волосы. Она любит шутки, пусть и другие подурчатся. Ничья жена, желанная любовница. Как любят ее молодые мужчины. Скольких прочили ей в мужа, скольких принимали за ее сыновей. Колыбель ее ребенка огласится плачем только для того, кто не теряет головы. Много жизней отдано за одну ночь с ней. Где он, кто скажет... Кто сумеет найти слова, что очаруют ее. Девчонка смеется. Я не открою вам эти слова. Данька, а ты отыщешь их для меня? Я буду ждать! Ветер закружил ее и унес в небо. Данька поднял голову, увидел тающую в лучах солнца точку. Услышал? Она будет ждать, ждать его!

Парни снова смялись.

– Я сплю, как убитый, – сказал Данька. – Ничего не слышу.

Тут в разговор вступил Сол:

– Убитый? Я видел убитого. Мы, когда там на испанце дрались, Дэн здесь стоял. Как скала стоял. На страже стоял. Никого не пропустит. Явно охранял каюту капитана. Что б никто не увидел эту девчонку, Удачу. Она, парни, такая, в теле, в форме. Ее бы ухватить. А он стоит и никого не пускает. А на наш корабль пробрался испанец. Вот такой, – Сол показывал руками ширину плеч этого испанца. – Настоящий великан, а Дэн ни с места. Скала скалой. Испанец схватил шпагу двумя руками и, как копьем, собрался проткнуть нашего юнгу. Разбежался.

Кто-то из парней спросил:

– Копьем? А, своим копьем, ты не перепутал? Не шпагой? Копье у испанца какое, покажи!

Матросы опять смеялись.

– Да, ну вас. Я что, шпагу от чего другого не отличу? А если вам хочется полюбоваться на испанское копье, то и любуйтесь. Без меня.

Опять всеобщий смех.

– Разбежался? – смеется Эрл. – Проткнуть нашего Дэна?

– Ну, конечно, проткнуть, – продолжал выдумывать Сол. – Он так прицелился...

– Да легче в игольное ушко попасть, чем в эту худобу, – сказал один из матросов.

– Вот я о том и говорю, – продолжал Сол. – Как тут попадешь! Разбежался, значит, испанец, и мимо. А Дэн как ему в ухо своим могучим кулаком. Испанец на палубу бряк. Ножками дрыг. Дрыг и подох.

Матросы опять дружно смеялись. Данька посмотрел на свою руку, сжал пальцы в кулак. Да, кулачишко, конечно, не очень, не солидный. И спрятал руку за спину. Парни снова смеялись. Сол спросил:

– Ты чего кулак спрятал за спину?

– Я боюсь. Он у меня иногда сам по себе, меня не слушает. Возьмет и как трахнет тебя по лбу, и Сол на палубу бух, ножками дрыг и – все.

Сол любил посмеяться над другими, но ему не нравилось, когда смеются над ним. А ребята смеялись. Это вывело его из себя.

– Ты меня кулаком? Ты – доходяга. Меня, Сола? Да что б я ножками дрыг?

И Сол начал наступать на Дэна.

– Да из тебя моряк, как... как из монашки – епископ. Никогда не получится.

Тут за спиной Дэна раздался голос Брайана.

– А ты, что не веришь нашему капитану? Капитан сказал, что сделает из него настоящего матроса.

Сол немного поостыл.

– Капитан, он может. В капитана я верю. Только вот что этот станет матросом? Да никогда.

– Давай поспорим, – предложил Брайан, – на две монеты. А? Слабо?

Сол не хотел отступать. Не любил он этого.

– А что? Давай. – Окинул всех гордым взглядом. Спорить он любил. Проигрывал, но спорил.

– По рукам. – Ответил спорщику Брайан. Протянул руку.

– По рукам. – Пари заключили.

– Ребята, свидетелями будете. Рассудите нас потом.

– Давай, Брайан, гони монеты. Я уверен, что из него не получится настоящий матрос. Я найду, куда потратить их. – Пусть знают все, в победе он уверен. И Сола мог бы получиться игрок на рисковом биржевом рынке. Уверенность в голосе, обаятельная улыбка, левая рука в кармане, а правая вот-вот потянется за выигрышем.

– Ты вначале выиграй, Сол, – Брайан подмигнул остальным парням. – Не честно получать монеты вперед. Выиграешь, тогда и получишь. Только, я думаю, тебе придется расстаться со своими денежками. Ладно, Дэн, пойдем, а то они так и будут здесь зубоскалить.

Брайан увел Даньку от этой веселой компании. Когда они отошли, Брайан сказал:

– Ты не обижайся на ребят. Они не со зла. – Тряхнул рыжими волосами, обернулся к юнге.

– Да я знаю, знаю. Они нормальные ребята. Настоящие друзья, и не обижаюсь на них, – сказал Дэн. – А почему, Брайан, никто не спешит на берег?

– Это очень просто. – Плотник лениво шагает рядом с юнгой. Жара, и некуда спешить. – Все ждут, когда боцман, старпом и капитан разделят добычу. Выдадут всем, вот тогда и пойдут, что бы спустить эти деньги на берегу.

– Как спустить? – Спросил Данька. Пустая трата денег ему не понятна. У них с мамой их было мало. И заработать их можно не легким трудом.

– Очень просто. Кто-то пойдет в таверну, напьется. А кто-то пойдет в квартал красных фонарей.

– А что это? – Заинтересовался Дэн. – Квартал красных фонарей?

Брайан как-то странно посмотрел на юнга. С малых лет мальчишки и девчонки знают о таких места. Многим и ходить далеко не надо. Женщины, оставшись без поддержки мужчины, приводят подвыпивших мужиков домой. За грязной рваной занавеской продают утехи любви. За сходную плату продают дочерей. Страх голодной смерти. Дэн, ты не видел голодный взгляд женщин и детей. Жадные в своем бессилии руки, готовые схватить любую корку хлеба.

– Ну, это квартал, где доступные девки. – Брайан смотрит в сторону берега. Печальный взгляд.

– А что? Здесь есть такие? – Удивился Дэн. Ему еще хотелось верить в город мечты.

– А куда они денутся? В каждом порту есть. Для них это единственный способ заработать. Выжить. Продать свою молодость и тело, пока не поздно.

– Так это что, путаны? – Спрашивал юнга.

– Да, кажется, так испанцы называют их.

– Ты, Брайан, то же пойдешь в таверну? Или в квартал красных фонарей?

– Нет, не пойду. Я прижимистый. – Брайан рассмеялся. Смеялся над своей прижимистостью и над робкой мечтой, о которой никому раньше не говорил. – Хочу скопить денег. У моего отца была большая семья и много нас, детей. Вот и я хотел бы. Накоплю денег, куплю дом. Заведу жену. Детей нарожаю, что б в старости было для чего жить.

– А другие, почему не копят? – Слова друга были такими простыми и понятными.

– Зачем? Большинство из нас не думают о будущем. Ты сам посуди. Убьют в бою. Волной смоем. Найдешь свою могилу на дне моря. А если повезет... Только, как это сказать, повезет. Доживешь до седых волос. Ну, и что? Стоять на паперти, мокнуть под дождем, а потом сдохнуть в какой-нибудь канаве. Такая у нас судьба.

– Горькая судьба, – отозвался Дэн.

– Да, ты не жалеешь ни нас, не себя. Мы сами выбрали такую дорогу. – Бесшабашный матрос, веселый рыжий чертяка. Ты любишь напевать веселые песенки. Но плачет твой радостный смех.

– Может быть, не вы выбрали дорогу. Это судьба, случай?

– Дэн, не говори глупостей. Ни при чем здесь судьба или случай. Дорогу выбираем мы, люди. – Брайан облокотился на релинг, смотрел на воду за бортом.

– А почему, действительно, не завести жену, детей? – Данька стоял сбоку от плотника. Красивый профиль, сильная фигура. Девчонки таких любят.

– Юнга, а кому мы нужны? Мы, перекасти-поле. Пираты. Сегодня есть, завтра – нет. Дело обычное. Для нас... Для нас существует только квартал красных фонарей. Или вон, бродят там на причале женщины.

– А что, разве они здесь не за тем, что бы купить рыбу подешевле? – Данька искренне верил, что сюда женщины приходят, что бы не на базаре купить, а здесь. Здесь подешевле.

– Ну, может кто-то и приходит купить рыбку подешевле. Но большинство идет сюда, поймать рыбу пожирнее. Пока матрос еще не потратил свои денежки. Помочь ему их промотать. Если повезет, матрос напьется, и украсть у него деньги.

– Как украсть?

– Дело обычное. Почему бы не обворовать пьяного.

Данька не мог этого понять.

– Ну, ладно, Дэн. Займись своими делами.

Брайан ушел, а Дэн направился в каюту капитана.

В каюте он устроился на сундуке и думал о новых товарищах. Он ничего о них не знает. За каждым из них стоит жизнь, судьба. Тяжелая судьба. Они выручали его, спасали его, даже не спрашивая, кто он и откуда. Может быть, потому, что сами не хотели говорить о себе. Их судьбы, наварное, более тяжелые, чем его. Совсем другие. Этим ребятам тяжелее, чем ему, который стоит нарасшарагу между двумя мирами. Или и они стоят между двумя мирами, между светом и тьмой? Потом Данька отбросил все эти мысли и решил подурачиться. Он подошел к столу, сел в кресло капитана, принял важный вид. Развернул карту, заметил на столе трубку. Сделал вид, что курит и важно произнес:

– Юнга, сбегай на камбуз, принеси обед.

В это время, ему показалось, что услышал шаги за дверью. Карту быстро свернул. Трубку положил на место и выскочил из-за стола. А если войдет капитан? Вот позор. Как ему объяснить все это. Его дурачество. Но шаги только показались. Это ребята там, на палубе, вдруг засуетись. Данька забрался на свой сундук. Сел. Повезло, это не капитан. Что там за суэта на палубе, думал Дэн. А, так они зарплату получают. В кассу торопятся. Здесь же нет банковских карт. Все наличными. Причем, неучтенкой. Черный нал. Здесь нет отчислений в пенсионный фонд, соцстрах. Здесь и налоговой нет. Вот поэтому они и помирают в канаве. Пенсий нет. Зарегистрировали бы свое предприятие. Данька представил, что на борту их корабля надпись не просто «Скиталец», а общество с ограниченной ответственностью «Скиталец». Лицензия номер 23786. Лицензия на разбой. Вот, за столом сидит не капитан, а директор общества. Старпом – это главбух. Входит и говорит:

– Свен, у меня опять дебит с кредитом не сходится. На носу квартальная отчетность. И налог на разбой мы показали маленький. А ты еще не хочешь показать налог на добавленные корабли. Вот придет ОБЭП, мало нам не покажется.

– Колин, мне что, тебя учить? Отстегнуть надо, кому положено.

Эти мысли прервал приход капитана. Свен прошел к своему столу, сел в кресло.

– Завтра, Дэн, пойдем на берег. Я тоже пойду. Наверно, соскучился по земле. А юнга?

– Немного, капитан. Соскучился, конечно. – Данька обрадовался. Ему хотелось пройти по улицам города. Не только твердая земля под ногами манила его. Снова вглядываться в лица горожан, кожей чувствовать тепло городских домов, слушать музыку улицы.

– Ну, вот, побродишь. А мать у тебя далеко живет? – Свен думал о доле мальчишки, разлучившей его с единственно родным человеком.

– Далеко, капитан. – Он сам не представлял сколько миров отделяют его от мамы. Тоска и печаль звезд стоит между ними.

– Тогда так, не много по твердой земле пройдешь...

Капитан достал кошель с деньгами, положил его на стол.

– Это тебе, Дэн. Что б не скучно был в городе. – Не болтаться же парнишке жалким изгоем на улице.

Данька не сдвинулся с места. В каюте повисла тишина, Капитан спросил:

– Что не хочешь брать кровавые деньги? – спросил не осуждая. С легкой горечью.

Данька прыгнул со своего места, подошел к столу, взял деньги.

– Капитан, я просто думал, что не заслужил так много.

– Заслужил, юнга, заслужил. Ты работал наравне со всеми. Вот и получи. Часть добычи твоя. А откуда эти деньги, какая разница. Нон алет, как говорится. Деньги не пахнут. Удача нашего корабля зависит от каждого, кто топчет палубу. Так что от тебя то же.

– Спасибо, капитан, – Данька вернулся на свое место, положил деньги на крышку сундука. Капитан подумал: парень, похоже, не жадный. Даже не пересчитал, сколько там монет. Хороший парень. Если бы у меня был такой парнишка. Нет, не надо. Не надо, – твердил себе капитан и прошептал:

– Только не об этом.

Данька промолчал потому, что не понял, что имел в виду капитан. Капитан Свен думал

– Как несправедливы боги. Какое право они имеют так поступить со мной! Лишить всего. Отнять все. Будь они прокляты, эти боги. Кем бы они не были. Если бы у него, у Свена, был такой пацан, да он бы за это отдал все свои деньги и этот корабль, ушел бы куда-нибудь, куда глаза глядят.

Утром они сели в лодку. Гребцы весело взмахнули веслами, и берег шагнул им навстречу. Лодка шла мимо других кораблей, а Дэн думал, другие корабли не в какое сравнение не идут со «Скитальцем». Ему повезло попасть на этот корабль. На других судах нет такого юнга, как он. Им со «Скитальцем» здорово повезло – встретить друг друга.

Они высадились на том же месте, откуда отошли в первый раз. Его первый морской круг завершен. Туристы и паломники, а сюда будут съезжаться многие языки, будут стоять здесь и благоговейно смотреть на это место. Нет, громоздкого монумента он не желает. Его скромность – притча во языцех. Небольшой алтарь с отпечатком его ступни. И это не для него, а для паломников. Куда им иначе возлагать цветы. Такую уступку славе Даня может позволить. Каждый год скромный праздник – «День сошествия на берег». Не большой оркестр. Парад пиратов. В бухте построение кораблей. Вечером народное гуляние и фейерверк. Все на уровне, но скромно. Вам не хочется славы, известности? Не лукавьте. От сих приятных мыслей Даньку отвлек капитан.

– Я жду тебя здесь. На этом месте, когда там, на башне будет три часа. Погуляй по городу. В таверну не заходи. Узнаю, посажу в трюм на хлеб и воду. – Свен сдвинул брови. Гроза морей. Что тебе в этом мальчишке? Зуд воспитателя.

– Нет, капитан. Я не стану заходить в таверну.

– Хорошо, юнга, – и Свен ушел.

Даня смотрел в след капитану. Как идет. Роскошная шляпа. Темно-бордовая рубашка с кружевами и шелковой вышивкой на груди. Шпага с боку. Без очков видно, кто идет. Гордость флота. У него, у Дэна, другого капитана быть не может. И что это там идет? Одет прилично. Под

капитана косит. Бородищу-то распустил! С таким небритым в море? Еще один. Ноги колесом. Пузо через ремень свешивается. На боку зубчистка болтается. Этим до «Скитальца», как до Китая босиком. Так, куда ему пойти? Пора решать.

Порт жил своей обычной жизнью. Матросы, грузчики, купцы. С рассветом оживает все вокруг. Две женщины, утомленные портовой жизнью бредут неспешно. Раньше Даня не обратил бы внимания. Разговор с Брайаном открыл ему глаза. Путаны. Путана, путана, путана, тебя как рыбу к пиву подают. Эти свою рыбу уже выловили, вчера. Огни отелей так заманчиво горят. Такие ли яркие огни таверн. Он не презирал этих женщин. Жалел.

Что без толку стоять. Вам предстоит завоевать столицу мира! Не Москва, конечно, и не Париж, учитесь завоевывать малые города. Юный гасконец то же отправлялся на завоевание столицы. Ядро? То, что чуть не сразило его, Даньку? Не знак ли это судьбы? Вперед!

Он шел по центральной улице, по мостовой. Город для него немного утратил очарование новизны. Дома вокруг казались столь же приветливыми, как в первый раз. Распахнутые настежь окна. Стены, дышащие теплом. Прохожие заняты своими делами. Дамы в роскошных платьях величаво плывут над мостовой. Вот две женщины средних лет стоят и беседуют. Обсуждают наряды или общих знакомых. Служанки с корзинами. Прогромыхала тележка с рыбой. Величавая неторопливость этого города настраивает на особый ритм. Данька пытается подстроиться под него. Чем занять себя? Зайду на рынок, подумал он. А если купить маме подарок? Какой-нибудь. Конечно, купит. Только, как он захватит это с собой, в свой мир? Получится ли? Вот пятно от руки Свена, оно появилось здесь, а потом и там, в его мире. Может, у него это и с маленькими сувенирами получится. Спрятать под рубашку на ночь. Мысль показалась вполне осуществимой. Он уверенно зашагал в сторону рыночной площади. Дэн чувствовал себя уверенно. Он был, как бы местным жителем. Ведь он юнга на «Скитальце» и в его кошельке звенят монеты. Он богатч в этом мире. Надо решить, куда он будет складывать покупки? Там, в его мире, ему предложили бы полиэтиленовый пакет на кассе. А здесь? Он заметил продавца корзин. Выход найден.

– Бери, бери. Выбирай любую, – предлагал торговец корзин, бочонков и глиняной посуды.

– Я сейчас выберу, подожди, – раньше бы он схватил первое, что подвернется под руку, только бы продавец отвязался. Он не умел покупать, смущался. Стеснительность покинула его.

Оглядывал не большую корзинку с крышкой. Вертел в руках. Красивая.

– Я вот эту возьму.

– Да, господин, – согласился продавец, и странное дело, не сал навязывать другие товары. Раньше, чувствуя его неловкость, Дане навязали ненужный хлам. Сейчас в нем проснулись силы отбиться от навязчивых продавцов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.